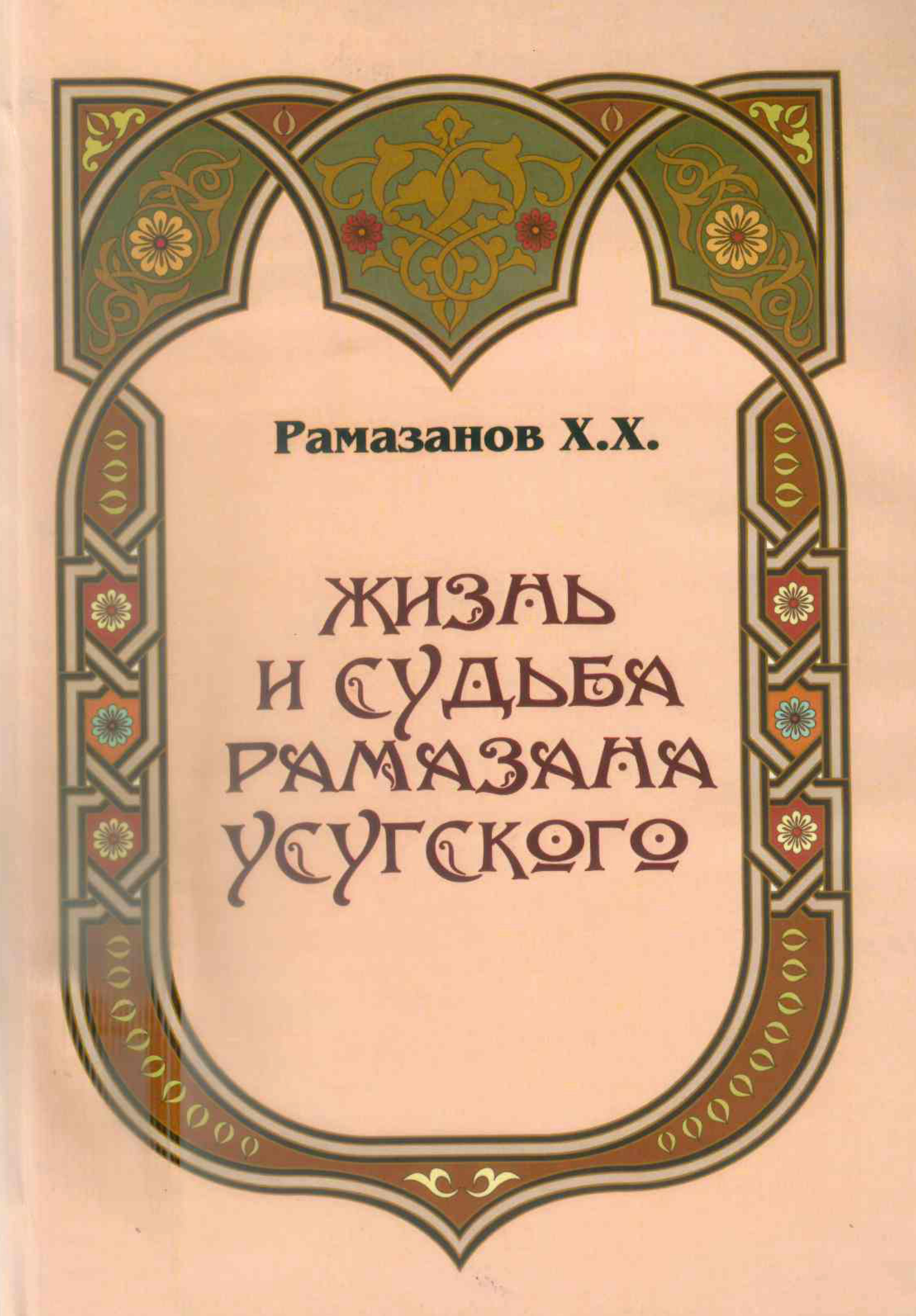

Рамазанов Х.Х.
ЖИЗНЬ
И СУДЬБА
РАМАЗАНА
УСУГСКОГО

Рамазанов Х.Х.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА РАМАЗАНА УСУГСКОГО

Махачкала 2013

Рамазанов Х.Х.
ЖИЗНЬ И СУДЬБА РАМАЗАНА УСУГСКОГО.
Махачкала, тип. «Радуга-1», 2011. - 116 с.

Введение

Изучать историю своей Родины – святое дело. Каждый образованный человек должен знать прежде всего историю своей малой родины – аула, где родился и вырос. Это нужно, чтобы познать самого себя, предвидеть будущее. Особое внимание должно быть уделено своей родословной, помнить предков, которые были творцами истории.

Интерес усугцев к своей истории огромен. К сожалению, письменных источников об Усуге и усугцах крайне незначительно. Решающее значение при воссоздании страниц прошлого имеют воспоминания, которые и явились основным источником для написания этой работы. В ней центральными проблемами являются две: исторические сведения об Усуге и жизнь и деятельность Рамазана Усугского, ставшего жертвой репрессивного режима в 1937 г. и полностью реабилитированного впоследствии.

I. Исторические сведения об Усуге

Агульское селение Усуг является одним из древнейших. Впервые о нем упоминается в 8-9 вв. н.э. Оно находится на высоте около 2000 м. над уровнем моря, по дороге Дербент, Курах, Рича, Чирах, Кумух. В настоящее время Усуг входит в состав Курахского района Республики Дагестан и граничит с одним лезгинским (Гельхен) и шестью агульскими селениями (Укуз, Курдал, Хвередж, Бедюк, Хпёк, Тпиг).

Очень важным и трудным является вопрос когда и кто основал Усуг. Усугцы называют свое село УсугI, а себя УсугIар. Точную дату возникновения Усуга определить невозможно, но есть несколько версий относительно того кто основал Усуг. По одной из них основателем Усуга был Юсуф из Фурдика. В местности под названием Фурдик находился населенный пункт, остатки кладбища которого сохранились до наших дней. На отдельных надмогильных плитах есть куфические надписи на древнеарабском языке. Заслуживает внимания версия о том, что в Усуг переселились жители населенного пункта, находившегося в местности под названием «Сарфун». Эта территория, находящаяся между агульскими селениями Курдал(Квардал) и Бедюк, является до настоящего времени территорией

принадлежащей усугцам. Не приходится сомневаться в правоте третьей легенды, согласно которой в Усуг переселились жители населенного пункта Улжанар, находившегося всего в двух километрах от Усуга, явные следы проживания там людей сохранились до наших дней.

Усуг относится к типу «Крепость-аул». Построили аул, исходя из интересов безопасности на стратегически выгодной горе. С трех сторон аул был недоступен, одна сторона прямо упиралась в реку. Четвертая стена была оборонительной в ней были массивные железные ворота, которые закрывали при надобности. От этой стены шла дорога к речке (Аршангур). Из крепости, как на ладони,

обозревали местность, застать жителей села врасплох было почти невозможно. Есть сведения о том, что в Усуге была построена вторая крепость, это было связано со значительным увеличением населения прибывшего из других мест. Теперь все население не могло укрыться в старой крепости. До нас дошли сведения о том, что вторая крепость имела название «Баро»

***

В 1886 году в Усуге было 75 дворов и около 600 жителей, в среднем на двор приходилось семь человек. Тогда же в Гельхене было 80 дворов, в Ашаре – 83, в Хпедже – 65, в Хпюке – 44, в Куказе – 26, в Укузе – 40. Таким образом, Усуг был одним из больших селений верхней части Курах-дере. В 1902 году в Усуге было уже 86 дворов.

Основным богатством усугцев была земля, которая находилась в альпийской зоне. Прекрасные пастбища позволяли заниматься скотоводством. По территории села течёт река, в которой водилась форель (чикьар). Кроме того были ручейки и родники, один из которых (Кьут/ер) не пользовался популярностью среди населения, считалось, что в нём наличествуют вредные для здоровья элементы.

На территории Усуга есть высокая гора которая имеет два названия «Заваркьил» (вершина, упирающаяся в небо) и «Марфакьил» (начало дождя). Это слово состоит из лезгинского слова марф, что значит дождь и агульского кьил – начало. Полагаю, что название результат длительного наблюдения гельхенцев и усугцев за природными явлениями. В XIX – начале XX века в Усуге были три лесных участка: Адидар (нижний лес), Вартидар (верхний лес), Камадар или Мазгитандар (мечетьский лес). Последний участок был небольшим по размеру и объявлен с давних времён заповедным, где нельзя было косить сено, рубить деревья и пасти скот. Этот уникальный участок леса с высокими деревьями полностью был уничтожен по приказу первых двух председателей колхоза и материал использован для колхозных хозяйственных нужд. Это было тягчайшее преступление агрессивных атеистов. Верующие сельчане связывали все неприятные случаи в семьях председателей, в том числе убийство одного из них, с истреблением мечетского леса.

В топонимике до сих пор сохранились названия, свидетельствующие о том, что в историческом прошлом в Усуге было значительно больше лесов. Одна местность называется «Даранкьил» (лесная голова или верхняя часть леса), другая «Дарагьдар» (лес в лесу),

третья местность называется «Кечеяр».

Большим спросом у аульчан пользуются единственный серный источник «Кубулхьед» в местности «Вартирух» (верхний ручеёк). Там купались только мужчины. Это было крытое четырёхугольное каменное сооружение, в полу которого был устроен каменный бассейн. Аульчани брали из источника воду, грели её дома и принимали теплые ванны.

В местности «Фурдик» есть единственный в высокогорном Дагестане песчаный оазис под названием «Кьум» (песок), размером два километра в длину около двухсот метров в ширину. К сожалению, этот песчаный оазис не известен геологам до настоящего времени, уверен. что его изучение даст много нового и оригинального не только для геологической науки. Дома строились из камня, собираемого в долине реки. Но были известны места для добычи длинных каменных балок (цилемар) для перекрытия отдельных частей домов и хозяйственных помещений.

***

С полной уверенностью можно сказать о том, что долина реки Курах (Курах-дере), где расположен Усуг, входила в состав древнего государства под названием

Кавказская Албания, просуществовавшего 800 лет, с V в. до н.э. до IV в. н.э. После его распада возникли политические образования, в том числе Лакз, который включал бассейны рек Самур, Курах, Чираг. В XIII в. Лакз распался и из него выделились Курах, Ахты, Тпиг, Рича, Рутул, Хнов, Цахур. Почти 400 лет существовал Курахский союз сельских обществ. До нас дошел письменный источник о границах этого союза, относящийся к 1356 году. Долгое время Усуг входил в Ричинский союз сельских обществ.

Трагическая эпоха монголо-татарских завоеваний коснулась многих аулов Ричинского и Курахского союзов сельских обществ, в том числе и Усуга. Полчища монголов, захватив Дербент, устремились в горы по маршруту Дербент, Курах, Усуг, Рича, Чираг, Кумух. В 1239 году жители Рича 27 дней героически сопротивлялись врагам. В 1240 году монголы захватили Кумух. Немало страниц истории дагестанских народов связаны с нашествием жестоко завоевателя Тимура.

О злодеяниях иранского шаха Надира до сих пор рассказывают в Усуге. В памяти людей остались предания о «шах-хармане» (шахская молотьба), когда безжалостно копытами коней топтали женщин и детей. Но в конце концов дагестанцы наголову разбили полчища Надиршаха. В Иране была поговорка: «Коли шах глуп,

пусть идет войною на лезгистан».

Вторая половина XVIII – начало XIX в. – это период когда Ричинский и Курахский союзы сельских обществ, отбивая многочисленные попытки феодальных правителей Дагестана и Восточного Кавказа, сохранили свою самостоятельность.

Полная потеря ими своей самостоятельности связана с политикой русского царизма. В 1804 году русские войска вторглись в Дагестан. А 1806 году было ликвидировано Дербентское ханство и там ввели военно-камендантское управление. В 1812 году было создано Кюринское ханство. 15 декабря 1812 года русские войска вступили в Курах и построили там первую в горах Дагестана крепость с постоянным гарнизоном. Ханом был назначен Аслан. В грамоте русского царя Александра I говорилось: «в ознаменование ханского достоинства жалуем Вам саблю и знамя с гербом империи Всероссийской». Аслан-хан дал клятвенное обещание на верность царю. При нем и его приемниках на горцев, в том числе на усугцев, лег феодально-колониальный гнет, который продолжился 52 года, пока не ликвидировали ханство и лишили власти последнего Юсуф-хана. С 1864 года Усуг был в составе Курахского наибсва Кюринского округа до 1917 года.

В 1868 году царское правительство провело в Дагестане реформу сельского управления и создало однотипную систему управления. Все раннее существовавшие формы народоправства были ликвидированы. Сельский старшина (Кавха), судьи назначались официальными царскими властями. Все сельское управление было поставлено под жесткий контроль военного командования.

***

Занятия населения. Земледелие являлось главным видом трудовой деятельности населения. Памятником героическому труду усугцев было террасное земледелие, имевшее многовековую историю. Формирование террас с межевыми откосами было вызвано целями борьбы с эрозией почвы. Это крупное агротехническое достижение. Возводились подпорные стенки и ограждения. Террасные поля давали возможность наиболее эффективно использовать всю территорию для земледелия. Земледелие базировалось на эмпирически познанных законах природы. Еще в средневековье сложился сельскохозяйственный календарь, в котором четко отражались сроки сельскохозяйственных работ, аграрные традиции, и рациональный опыт ведения хозяйства. Господствовала паровая система поле-

водства в форме двух и трех полей.

Поражает много тысяч топонимических названий. Каждый клочок земли (тропинка, луг, холм и т.д.) имел своё собственное название. Удивительным является и то, что жители аула совершено свободно оперируют этими названиями. У усугцев есть большой, устный топонимический словарь, передаваемый из поколения в поколения. Это один из важных аргументов о том, что они живут на этой земле с очень далеких времен, занимаясь разносторонней трудовой деятельностью, отвоёвывая у суровой природы средства для своего существования.

Преобладали озимые и яровые культуры: рожь (сюль), ячмень (мух), горох (къахар). Урожаи были невысокими, обычно сам 3-4. Удобрения применялись редко. Борьба за урожай требовала от людей настоящего трудового подвига. Не редкими были стихийные бедствия: засуха, градобитие, оползни, сели, которые причиняли большой вред хозяйству. Совершенно новой земледельческой культурой для усугцев стал картофель, к возделыванию которого приступили только с конца XIX в. садоводством, виноградарством, огородничеством не занимались.

Земледелие базировалось на отсталых орудиях труда. Для возделывания почвы употребляли деревянную соху, в которую впрягали пару быков. В конце XIX начале XX вв. в Усуге распространилась русская коса, которая вытеснила неудобную, малопроизводительную местную косу. Хотя земледелие носило потребительский характер, тем не менее, многие усугцы вынуждены были покупать зернопродукты на равнине.

Важное место в хозяйстве усугцев занимало скотоводство, дававшее населению значительный доход. Структура стада была стабильно консервативной. Существовала достаточно эффективная система эксплуатации пастбищ в зависимости от травостоя и времени года. Развитию скотоводства способствовало наличие в достаточном количестве пастбищных гор. К отгонному овцеводству прибегали редко, в основном состоятельные овцевладельцы. Разводили овец курдючной породы, отличавшихся неприхотливостью. Но шерсть этой породы имела прекрасные качества. Шерсть овец Верхнекурахдеринских аулов, в том числе Усуга, экспонировалась в 1851 году на Всемирной выставке в Лондоне и удостоилась похвального листа выставки.

Крупнорогатый скот круглый год содержался в ауле. Огромный труд требовался для заготовки сена по 4-5 месячному стойловому содержанию скота. В среднем одна корова давала за лактацию до 400 литров молока, отличавшееся жирностью. Примерно 15-20% хо-

зяйств имели лошадей, которых использовали в основном для верховой езды.

Важнейшей сферой трудовой деятельности мужчин и женщин Усуга явились народные промыслы (домашняя промышленность). Домашней промышленностью в науке называют такую, когда хозяйство обрабатывает сырье, добытое в нем же. Домашняя промышленность в Усуге не переросла в ремесло и мелкотоварное производство. Ведущее место занимало изготовление женщинами широкого ассортимента изделий из шерсти: ковров, сукна, обуви, одежды. Умелые руки мастериц украшали шерстяные изделия.

Кожевенным производством занимались только мужчины. Были в ауле признанные мастера по пошиву шуб, их приглашали домой, туда же приходили близкие родственники. Процесс изготовления шубы считался чуть ли не праздником. Проблема хранения изделий из овечьих шкур, в том числе шуб, от моли решали путем вкладывания в них пахучих растений. Значительное место занимало изготовление из кож крупного рогатого скота разных по форме и назначению образцов обуви.

Гончарных изделий усугцы не производили, их покупали у лакцев и даргинцев. В устном народном творчестве усугцев этот факт получил отражение. Так,

в адрес безалаберного болтуна говорили: «Что ты как балхарец с разбитыми кувшинами». Деревянные изделия (сох, молотильных досок, лопат, вил, арб, колес, поднос, ложек) покупали на стороне.

Хотя как указано выше население Усуга занималось разнообразной деятельностью, но не все хозяйства могли свести концы с концами. Общее малоземелье и низкая продуктивность скота не обеспечивали занятость трудоспособного населения аула в производстве круглый год. Часть усугцев вынуждена была искать работу на стороне.

В XVIII в. усугские мужчины отходники находили себе работу в лезгинских селениях Кюры и Кубинского ханства. Новый период отходничества наступил после включения Дагестана в состав России. Отход стал сравнительно безопасным, расширилась его география, что было связано с развитием на Кавказе промышленных заведений, строительством железной дороги и резком усилении спроса на рабочую силу. В 30-70 годах XIX в. основная часть усугских отходников работала в мариноводстве. В связи с начавшимся в нем катастрофическим кризисом, усугские отходники устремились в нефтяную промышленность Азербайджана, главным образом город Баку. Развитие не земледельческого или промышленного отхода имело

большое прогрессивное значение. Усугцы все больше пополняли индустриальное население города Баку. Приобретали специальности слесарей, буровых мастеров и т.д. В настоящее время в Баку проживает значительное число усугцев.

Земельные и социальные отношения в Усуге

В Усуге были три формы земельной собственности: лажбарская (лажбар-мулк), общинно-джамаатская (халкь-мулк), мечетьская (мазгитан-мулк). В Усуге никогда не было, ни феодалов, ни феодальной собственности на землю. Лажбарская собственность составляла все пахотные и покосные участки, ставшие ещё до XVII полной собственностью отдельных дворов. Лажбарские участки располагались черезполосно, принудительных севооборотов не было, отсутствовала практика передела пахотных и покосных земель. В рассматриваемое время у усугцев не существовала тухумная собственность, как это имело место в ряде мест Дагестана. Пахотные и покосные земли распределялись между дворами неравномерно, были и безземельные дворы. В целом усугцы испытывали мулковую недостаточность.

Как, в любом горном ауле, в Усуге земля ценилась очень высоко. Чем меньше ее, тем больше она

обретала цену и значение. Существовал категорический запрет продавать земли жителем других аулов. Сделки о купле и продаже земель могли быть только внутри аула, при обязательном оформлении соответствующих документов, заверенных свидетелями и сельскими должностными лицами.

Халкь-мулк – это пастбища, лесные участки. Всё население аула имело одинаковые права на пастбищные земли. Таким образом, у лажбарских дворов была двуединая собственность, они являлись полными собственниками пахотных и покосных и совладельцами пастбищных земель. На отдельных пастбищных участках крупные овцевладельцы строили загоны для овец и коз (мехь), желая привратить их в свою собственность, но община препятствовала этому. Отдельные пастбищные участки могли быть отданы в аренду жителям других аулов, но при обязательном согласии сельского схода, который играл решающую роль в использовании аульских пастбищ. Один из пастбищных участков (Сарфун) размером более тысячи десятин располагался далеко от села, в окружении земель аулов Курдал и Бедюк. Хорошие пастбища усугцев находились в местности «Фурдик». Там часть пастбищ называлась «Паяр» (переделяемый). Его ежегодно делили на столько участков

сколько в ауле дворов. Дворы могли уступить право покоса другим односельчанинам за плату или безвозмездно. В Усуге в собственности мечети было всего три крохотных участка пахотной земли около 2-х десятин.

Социальная структура аула была во многом схожа с социальной структурой в сельских общинах Дагестана. В ауле жили лично свободные лажбары (земледельцы). При политико-правовом равенстве в лажбарстве было сильное экономическое расслоение, в нем были богатые, средние и бедные группы. К примеру, в 1886 году Халил Али- оглы имел 800 овец, 20 голов крупного рогатого скота, 7 лошадей, 3 осла, 15 десятин земли. Разумеется, такие лажбары не могли обходиться без применения наёмного труда. Рабов в ауле не было. Собственность лажбаров считалась неприкосновенной и охранялась адатно-шариатскими нормами. Социально-бытовые дела решались на основе этих норм.

В ауле в чрезвычайных случаях проводились сборы с согласия сельского схода. И были общеаульные трудовые повинности при строительстве дорог, каналов, мостов, мечети, благоустройству родников и т. д. Хорошей традицией являлось взаимопомощь при уборке урожая, стрижке овец, строительстве дома.

Практиковалась помощь пострадавшим при стихийных бедствиях, сиротам, нетрудоспособным.

В Усуге проживало несколько тухумов: алирар, ибаяр, магарамар, катитерар, тарикьар, арабар, туркияр и другие. Обычно название тухума было связано с именем какого-нибудь видного предка. Название тухума могло быть связано и с местностью откуда вышел тухум и национальной принадлежностью. Более многочисленным был тухум магарамар.

Высшим органом власти было сельское собрание (джамаат), в котором участвовали совершеннолетние мужчины. Местом его сбора был «Гим». В ауле было ещё 3 магальных гимов и так называемый «къваран-хулагъол» (крыша сеновала). На гимы ежедневно, стихийно собирались мужчины в свободное от работы время. На большом годекане не могли участвовать женщины, дети, курящие и употребляющие опьяняющие средства. Там строго запрещалось сквернословие и обсуждение семейных дел аульчан. Сход собирался по мере надобности для обсуждения широкого круга вопросов. В период между собраниями управление осуществляли избранные на сходе должностные лица кавха, чауши и маслаатский суд.

Кавха и чауши исполняли решения схода. Кавха назначал надсмотрщика полей, который получал пла-

ту из штрафных денег. Кавха и чауши давали присягу на Коране строго соблюдать адаты и неукоснительно выполнять решения аульного собрания. Суд вершили кавха, почётные аксакалы при обязательном присутствии муллы.

Сельский мулла избирался на сходе. Он добивался от жителей соблюдения исламских норм, обучал детей арабской грамоте, распоряжался десятой частью всех доходов, поступивших в мечеть в форме заката. Мулла очень немногим отличался от лажбаров, занимался как и они, земледелием, добывая хлеб насущный свои личным трудом, и поступления от верующих имели подсобное значение.

Взаимоотношения между тухумами не имели выраженного негативного характера, аул считался почти бесконфликтным. В нём за 220 лет (XVIII-XIX веков) был убит один человек. Он имел границы с шестью аулами и жил с ними мирно. Ни в фольклоре, ни в архивах нет никаких сведений о каких-то серьезных конфликтах по земельным и другим вопросам, не говоря о кровавых столкновениях. Усуг считался уважаемым аулом. Об этом, в частности, свидетельствует то, что нередко усугские кавха, мулла и аксакалы приглашались для решения внутриаульных спорных вопросов в соседние селения.

Культура. В культурной жизни усугцев и всего Дагестана, большую роль сыграл ислам. Еще в VII в. исламским центром Дагестана стал Дербент, где была в VIII в. построена Соборная мечеть. Тогда же арабами была сооружена Речинская мечеть с красивым минаретом, сохранившаяся до наших дней (в 16 километрах от Усуга). На стене этой мечети есть надпись, что в 1239 году в Риче были монголы. Эта надпись позволила установить факт пребывания монгольских орд в горном Дагестане. Позже мусульманские культовые сооружения появились и в других местах южного Дагестана, в частности, в Кочхюре, Каракюре. Впоследствии была построена мечеть и в Усуге, при которой функционировали мектеб и библиотека, в которой хранилось десятки рукописей и печатных книг восточных и дагестанских авторов. В Мектебе значительное внимание уделялось освоению детьми норм поведения, уважительному отношению к старшим, заботе о фауне и флоре. Большое внимание уделялось ознакомлению с Кораном. В школе учились, ставшие в последствии алимами: шейх Магомед-Эфенди, шейх Камиль, Насрулла-Эфенди, Джалал-Эфенди, а также знатоки арабского языка Абучан Рамазан Шебенан Мирза-Магомед, друзья

моего отца Ильясан Абукар, Камалутдин и другие. В XVI-XIX веках исламская культура достигла значительного развития. В духовной жизни населения аула господствовала исламская идеология.

Усугцы могли продолжить учебу в медресе других дагестанских аулов. Престижным медресе являлось Гельхенское, основанное в 1622 г. крупным ученым, талантливым поэтом, шейхом Султан-Ахмедом, мовзалей которого сохранился до наших дней. Большим авторитетом в Дагестане и за его пределами пользовалось медресе, основанное на рубеже XVIII – XIX вв. шейхом Мухаммад-Ярагским, ставшим впоследствии вождем освободительного движения кавказских народов. Непререкаемым авторитетом пользовалось Кумухское медресе, основанное другим вождем освободительного движения горцев Джамалудином Казикумухским. Доподлинно известно, что в перечисленных выше учебных заведениях учились и усугцы. Одним из них был Насрулла Усугский, который позже продолжил свою учебу и получил высшее образование в Сирии и стал одним из крупных и авторитетных ученых Дагестана. Его сын Джалал так же учился в ряде медресе и стал первым профессором по математике Азербайджанского

университета, с которым я встречался в 1939 году в городе Баку, где учился в техникуме.

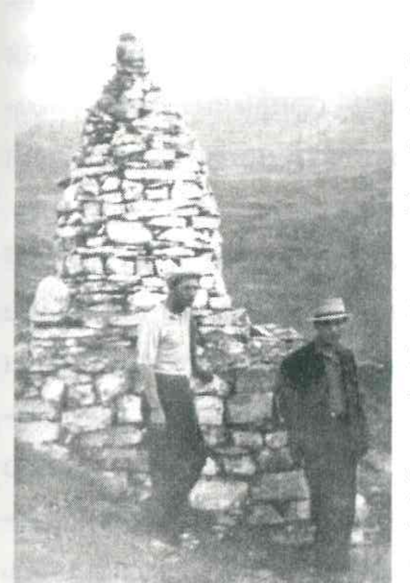
Магомед Эфенди Усугский обучался у ряда крупных дагестанских ученых. Он был одним из любимых учеников Джамалудина-Казикумухскго, у которого обучался длительное время. Известен был в Усуге шейх Камиль. Это редкий случай когда в одном селении было два шейха и их мавзолеи.

В Усуге был своего рода культ книги, многие считали иметь то или иное количество книг богоугодным делом. И неудивительно, что в Усуге по сравнению с другими соседними селениями было больше книжных коллекций. Самые крупные из них принадлежали Магомед Эфенди Усугскому, Насрулле-Эфенди Усугскому, моему прадедушке мулле Гаджи-рамазану Усугскому и шейху Камилю. В этих библиотеках были книги о религии, по грамматике арабского языка, арабской поэзии, философии, мусульманскому праву, астрономии, истории и так далее.

В XVII – XIX вв. усугцы совершали Хадж в Мекку. Вернувшиеся из Хаджа люди пользовались особым уважением, вокруг них был ореол непогрешимости, они вели людей к добру и милосердию. Однако не все, из тех кто отправлялся в Хадж, воз-

вращались обратно. В честь навернувшихся, недалеко от аула строили памятники с прямоугольной нишей и арабскими надписями. Памятники поставили вряд вплотную друг к другу. Эти памятники назывались «Гюмбетар». Верующие, проходя мимо этого единого комплекса, останавливались и читали молитву.

Усугский диалект агульского языка необычайно богат и насыщен тонким юмором, остроумием, поговорками, пословицами и преданиями. К примеру, приведу лишь несколько пословиц и поговорок: «Не дай Аллах оказаться в положении горца, обе ноги которого оказались в одном чарыке», «Если надеть на осла черкесское седло, то он иноходцем не станет», « Урус дурус» (русский справедлив), «Мать выше папахи», «Пусть к тебе не попадёт запретное» (гарам), «Пусть у тебя много будет добротного», «Осёл остаётся ослом и после посещения Багдада», «Друг смотрит в глаза, а враг в ноги», «Кто видел змею на равнине, тот боится верёвки в горах». Жаль только, что ни фольклор, ни язык усугцев до сих пор не исследованы специалистами. Одна из причин богатства народного творчества усугцев в том, что они, как правило, владели двумя и более языками. Это способствовало взаимообогащению культуры.

Значительного уровня достигло строительное дело. В селении были одно, двух, трёхэтажные дома. В XIX веке построили трехъярусное сооружение из обработанного камня. Это – пьир – мавзолей шейха Магомед-Эффенди Усугского, был в селении и другой пьир шейха Камиля. Была развита художественная обработка камня. Стены многих домов были украшены надписями на арабском языке, узорами, орнаментом. Высекались на камнях спирали, лабиринты, звёзды, фигуры животных.

Подлинным шедевром стали два каменных кольца из цельного камня вдетых друг в друге. На фасаде ряда домов были резные камни с растительным геометрическим орнаментом. Прогрессом был переход от ручного помола к механическому и строительство мукомольных мельниц. В XIX начале XX веков в Усуге были две действующие мельницы в частной собственности. Жернова для них покупали в селениях Хвередж, Бурши-Мака и Рича. Услугами усугских мельниц пользовались жители соседних селений, у которых не было

своих мельниц. В каждой усугской семье были каменные зернотёрки для получения различных круп. Как правило, зернотёрки украшались орнаментом всевозможными рисунками, свидетельствующими о развитии художественной обработки камня.

Значительное место в материальной и духовной культуре усугцев занимают вышивки, имевшие давние традиции. Этим делом занимались только женщины и только для нужд своих семей. Они вышивали шерстяными и хлопчатобумажными нитями собственного производства и купленными шелковыми нитками различных цветов и оттенков. Вышивкой украшалась каженская одежда, особенно головные уборы, в частности, чухту. С особым старанием вышивали свадебный наряд невесты. Нередко украшали шерстяную обувь, особенно женскую и детскую, а так же сумки, кисеты, верхнюю часть подушек, ковриков и т.д. Вышивки - вид самобытного горского изобразительного искусства. Это композиции орнаментов, знаков, символов в их цветовом тональном решениях.

Каждая свадьба становилась радостным событием для всех аульчан. Свадьбы, нередко, продолжались несколько дней подряд. В свадебные дни аульчани собирались в установленном месте и начинали танцы под музыку. В музыкальной жизни людей особое место за-

нимало трио зурначей. На рубеже XIX XX веков большой популярностью пользовались главный зургнач Абдул-Раджаб, его помощник Кабанай и барабанших Галимов Рагим. В отдельных семьях были музыкальные инструменты: чунгур, чlаган, свирель. Женшины аула пели песни на агульском, лезгинском и азербайджанском языках. Хотя редко, пели песни и мужчины, что не поощрялось, но и не запрещалось.

В разнообразных формах методах проводились спортивно-массовые мероприятия. Молодежь занималась спортивными играми: бег, поднятие, бросание камня, перитягивание каната, борьба, хождение по канату, конские скачки, шашки. Обычно в спортивных состязаниях принимало участие большое количество населения аула. Существовал целый комплекс детских игр, в их числе плавание, своеобразный конькобежный спорт без коньков катание по льду.

В Усуге широкий круг вопросов, связанных с социально-экономической жизнью регулировались на основе шариатских норм, адаты же не имели существенного значения, они были почти полностью вытеснены. В этом большая заслуга алимов, духовных деятелей аула.

II. Борьба усугцев против угнетателей.

Союзы сельских общин, жившие вольной жизнью, нередко попадали под власть соседних феодальных ханов. Они энергично сопротивлялись давлению ханов, беков, в частности, Казикумухского ханства. Борьба усугцев против угнетателей отражена в устном народном творчестве и в стихах тогдашних поэтов.

Произвол ханов в аулах Курах-дере ярко отражен в стихах поэта Саида Кочхюрского (1762-1822), который писал:

«Кровавый хан – источник наших бед,
Скажи – докуда нам терпеть проклятый?
Ты разорил аулы наших гор.»

Положение народных масс не изменилось в лучшую сторону с созданием в 1812 году Кюринского ханства. К ханскому гнёту прибавляется гнёт русского царя. На местных жителей всей тяжестью лёг двойной гнёт, против которого лезгины и агульцы, в том числе и усугцы, выступали энергично. Когда в Усуг прибыли в 1813 году ханские нукеры для взимания податей, то встретили упорное сопротивление и силой прогнали их. Позднее в аул прибыли ханские нукеры и русские войска для усмирения восставших, была учинена кровавая расправа, отобрали скот, посадили упорствующих в курахскую тюрьму. Это была первая встреча русских и усугцев.

С 1813 по 1864 годы за жителями Кюринского ханства числились недоимки. В 1821 году жители 17 аулов обратились к военным с просьбой облегчить тяжесть податей. В числе этих аулов были Усуг, Гельхен, Квардал, Хвередж, Укуз, Хпюкь. Жалоба дошла до главнокомандующего кавказской армии генерала Ермолова, который писал: «по бедности своей жители не могут платить подати, от этого всегда происходят недоимки». А генерал Пестель доносил: «Аслан-хан злодейским правлением утесняет подданных, собирая с них тяжёлые подати».

Между тем, Аслан-хан «заарестовал стада овец», находящихся на зимних пастбищах, прилегающих к Каспийскому морю, чтобы погасить недоимки. Сильное недовольство населения вызывало и наглое поведение ханов, беков и колониальной военщины, которые совершали антишариатские и аморальные действия. К примеру, хан предлагал выпить вино, в случае отказа приказывал нукерам убить или вылить вино в глотку.

В Усуге недалеко от общеаульного кладбища имеется отдельное захоронение под названием «Шаидар» (павшие в борьбе за веру). Там покоятся те, кто сложил голову в войне с царско-ханскими войсками.

Это место, своеобразная братская могила, очень почитаемое верующими. К сожалению, в последнее время там начали строить дома, допустив осквернение могил праведных людей. Это пример варварского отношения к историческим памятникам и падения духовности до низкой отметки.

В 20-х годах XIX века началась антиколониальная и антифеодальная борьба горцев, которая продолжалась до 1859 года. Она началась в Кюринском ханстве под руководством мюршида Мухаммада Ярагского (1771-1838 годы), предки которого были из аула Курдал, находившегося в трёх вёрстах от Усуга. Ярагский сочетал в себе мыслителя, религиозного деятеля, учённого, поэта, просто высоко нравственного и сильного человека.

В 1825 году по приказу генерала Ермолова Асланхан Кюринский арестовал Ярагского, как «главного виновника беспорядков в ханстве». Но мужественные курахцы освободили Ярагского из тюрьмы, и он долго скрывался в Табасаране, а в 1831 году перебрался в Аварию, где в 1838 году умер и похоронен в ауле Согратль. Мовзалей Ярагского в Согратле сейчас является местом половничества веруеших Дагестана.

В эти годы будущие имамы Гази-Магомед и Шамиль приезжали в Яраг для совершенствования своих

знаний. С большой долей вероятности можно утверждать, что муталимы Гази-Магомед и Шамиль по пути в Яраг побывали в Усуге. Маршрут был следующим: Кумух, Рича, Усуг, Курах, Яраг. В связи со сказанным большой интерес представляет следующий факт. В Усуге принято было в каждую пятницу отнести в мечеть по одному чуреку с каждого двора. Обычно эту «миссию» поручали самому младшему в семье, каковым я и был. Вскоре я заметил, что все мальчишки приносили в мечеть по одному чуреку, а мне мать давала два. Я задал вопрос маме: «почему от нас два чурека, тогда как все несут по одному?». Мать сказала: «Второй чурек это «алкун», в честь шейха Шамиля».

Хотя Курах-дере не входил в имамат Шамиля, но его жители принимали участие в борьбе с колонизаторами. Почти из всех курахских аулов в имамат отправлялись добровольцы. Так, в армии Шамиля служили Алимагомед, Тагир, Исмаил, Рамазан из аула Ашар. В личной охране Шамиля был известный своим большим ростом и силой Мирзехан из аула Хпедж. Усугский проводил большую работу среди своих земляков, как агитатор. Официальные власти постоянно преследовали его. Не случайно царский полковник Бучкиев в 1842 году с тревогой доносил: «Кюринское ханство без защиты наших войск готово предаться Шамилю».

Магомед-Эфенди стал одним из авторитетных деятелей освободительного движения народов Кавказа. В 60-х годах наступил период реформ.

Под влиянием этих реформ в Кюринском ханстве началось крупное антиханское движение народных масс в разнообразных формах: открытые выступления, массовые отказы нести подати, игнорирование хана и непризнание его правителем, захват ханских земель и подача индивидуальных и коллективных жалоб властям. В 1861 году начальник Дагестанской области писал: «Возмущение против ханства повсеместное и оно переходит уже в открытое движение…» В жалобах жителей Кураха, Капира, Усуга, Арага, трёх Сталей, Касумкента, Хаджалкалы, Мамраша содержалось требование «Лишить хана власти, в противном случае сами уберем его».

В 1862 году ходоки 50 селений ханства прибыли в Дербент и потребовали ликвидации ханской власти. Юсуфхан был отстранён от власти и ханство ликвидировано. Жители, узнав об этом, а также о том, что хан собирается в Мекку, заявили: «Пусть теперь отмывает свои преступления у гроба Магомеда, который едва ли станет снисходителен, как русское начальство, 15 лет равнодушно смотревшее на юсуфхановские варварства». Однако свержение ханской власти не принесло

людям заметного облегчения. Наоборот, резко усилился колониальный гнёт, который привёл к мощному восстанию, в 8 из 9 округов Дагестанской области.

12 октября 1877 года восстали жители Кюринского округа. Различные аспекты самого восстания, имена его руководителей получили освещение в произведениях классика лезгинской поэзии Етима Эмина, в частности, в его стихотворениях «Бунт 1877 года», «Наибу Хасану». Эмин писал:

Аулы почернели от печали,
В края чужие соколов сослали.
Надели вдовы траурные шали,
Окутал горы сумрачный туман.

Восстание в Дагестане было подавлено жестокими мерами, руководителей казнили, ряд аулов разрушили до основания, с каждого двора собрали по 3 рубля для «возмещения убытков» царской казне и местным верхам. По словам С. Габиева колониальные власти чувствовали себя в Дагестане «не хуже, чем ханы в Хиве и Бухаре». Излюбленными словами военного губернатора Дагестанской области генерала Вольского являлись «в 24 часа выселю из Дагестана!».

В 1913 году в Дагестане началось крупное общественное движение против введения насильственными методами русского письмоводства взамен делопроиз-

водства на арабском языке, в котором участвовало и население Курахского участка Кюринского округа, в том числе и усугцы. Острая борьба народных масс заставило царское правительство в 1914 году приостановить реформу. В феврале 1917 года в России свершилась революция, в ходе которой было свергнуто самодержавие и начинается новый период истории народов бывшго Российской империи.

Усугцы узнали о февральских событиях в мечети из уст моего дедушки муллы Хиннеби. Он сказал: «Братья, ваши молитвы о том, чтобы ненавистный Николай 2 лишился власти и престола дошли до Всевышнего. Он больше не будет царствовать».

III. Къважанмаллантарский род

Этот род принадлежит к тухуму «Магарамар». Название рода состоит из двух слов. Къважан – по агульски старый, старик, долгожитель, маллантар – муллы. Таким образом, в названии рода отражены две особенности: долгоживущие и ученые. Аулчане говорили, что къважанмаллантарский род является родом долгожителей ('умурярхеттар) это действительно было так. К примеру, мой дедушка жил 108 лет, а его брат Ахмад умер в 1942 году в возрасте 104 лет, моя мать

жила 90 лет, брат Гаджирамазан 91 год, сестра Салихат 89 лет, брат Эфенди 86 лет. В нашем роду были 7 поколений мулл (еридадар маллаяр). Только с конца XVIII до 1927 года муллами были Бици-Рамазан, Гаджирамазан, Хиннеби, Рамазан.

Об экономическом положении рода во второй половине XIX в. можно судить, ознакомившись с данными первой в истории Дагестана посемейной переписи 1886 года. По этим данным в хозяйстве прадедушки Гаджирамазана было 15 капанов неполивной земли, 2 лошади, 8 голов рогатого скота, 60 овец (Центральный

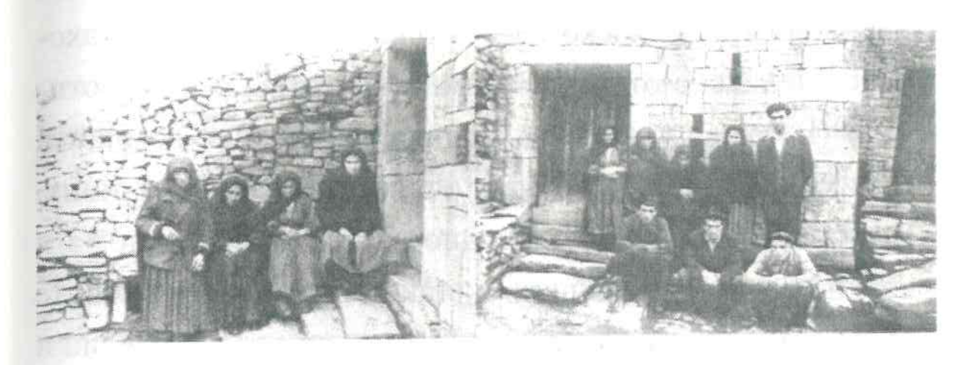
Дом прадедушки Гаджирамазана

государственный архив Республики Дагестан, фонд 21, опись 5, дело 87, лл. 648-649).

Его дом в верхней части аула, сохранившийся до наших дней, состоял из 6 жилых комнат. У него было 3 сына: Хиннеби, Ахмад и Дад. Дом был разделен между сыновьями, по две комнаты каждому, так же поровну была разделена между сыновьями пахотная и покосная земли, но над родом нависла серьезная угроза. В семьях были одни девочки, только у старшего сына Гаджи-рамазана Хиннеби был семилетний сын Рамазан. Если бы с ним случилось, что либо трагическое, то род прекратил бы свое существование.

В этой связи представляет интерес и содержание сна бабушки, пересказанного моей матерью. Буд-то бабушка шла куда-то с тяжелой ношей за спиной и неожиданно оказалась в лесу, где были одни высохшие деревья и трава. Вдруг неожиданно возле неё начала бурлить холодная вода и выросло зеленое дерево с многими плодами. Бабушка прильнула к роднику и проснулась. Свой сон бабушка комментировала следующим образом. Высохший лес – это братья, у которых нет сыновей, а плодоносящее дерево – это единственный сын дедушки. Мой отец, действительно, стал продолжателем рода, воспитал шестерых сыновей и двух дочерей. В настоящее время наш род, состоящий пре-

имущественно из мужского пола, является многочисленным.

Дом дедушки Хиннеби

Дедушка сравнительно рано женил моего отца. Выбор пал на девушку по имени Палван из тухума «Гузварар» соседнего лезгинского селения Гельхен, где в медресе мударисом (преподавателем) работал мой дедушка, там же учился мой отец. Сватовство оказалось затруднительным, что связано с существующей практикой не выдавать девушек из состоятельных семей в другие аулы, особенно в аулы с другим языком. Однако сватовство состоялось. По всей вероятности, это было связано не только с желанием молодых, но и высоким авторитетом дедушки среди гельхенцев. Мать была из состоятельного рода. Ей выделили при замужестве как приданное пахотный участок «Никкезай» и покосный участок «Гузвархван». Эти участки были расположены на территории селения Гельхен. Дедуш-

ка, бабушка, отец, мать и дети жили в двух комнатах общей площадью до 60 квадратных метров. На первом этаже содержался скот, хлев для хранения сена находился недалеко от дома. Комнаты назывались «Вартихал» (Верхняя комната), «Адихал» (Нижняя комната). В них были внутрестенные очаги, где готовили пищу. В нижней комнате было одно застекленное окно, а в верхней два небольших окошка. В верхней комнате была объемистая плетенка «Хут» для хранения зерна и длинный деревянный лар - «Тах».

В комнатах был набор хозяйственно бытовых предметов из глины, дерева и меди. В комнатах мебели не было, если не считать небольшого письменного стола отца. Светильник из меди (Чираг) составлял самый необходимый предмет домашнего обихода, им пользовались во время доения и кормления коров в зимнее время. Спали на полу на матрасах набитых соломой или сеном. В доме не было огнестрельного, холодного оружия, кроме небольшого кинжала, которого я запомнил на всю жизнь и вот почему. Я еще не ходил в школу и вместе с ребятами пошел в лес, взяв с собой этот кинжал. При рубке каких-то прутьев я сильно ранил большой палец левой руки. Ребята, сорвав с меня рубашку, перевязали рану. После выздоровления двигательная функция пальца оказалась сильно ограни-

ченной и так всю жизнь. Этот кинжал был конфискован входе ареста отца и обыска дома в 1937 году.

В собственности семьи были пахотные и покосные земли, имевшие свои названия: «Ургун», «Хулерик», «ЩIагьал», « ДаранкIиль», «КIенакъ», «Варзун», «Зугьайкъ», «Чилек», «Фурдик», «Неккезай». Покосные участки, как и пахотные, были разбросаны в разных местах. Они тоже имели названия: «Хулерик», «Латар-кьил», «Гъюдлукъайде тул» (место где танцуют куропатки), «Верхнее озеро», «Нижнее озеро», «Заваркьил», «Вартикъарукар», «Гузврхван». Со всех этих участков косили сено для 4-5 месячного содержания скота. Зимой заготавливали кизяк - основной вида топлива.

Помещения для жилья и скота находились и в местности «Фурдик». где были прекрасные общеаульные пастбища. Туда отправлялись в конце мая для заготовки животноводческих продуктов и находились там до начала осени. Мать говорила, что я родился в Фурдике и меня с большим трудом отняли от груди, которой пользовался более трех лет. Излюбленной моей фразой являлась: «Къакъвал лукъуна, бизи тин». В переводе означает, посадив на колени, дай грудь.

***

Гордостью семьи была библиотека, в которой было много сотен книг и рукописей на арабском, турецком языках и труды известных дагестанских алимов. Среди них рукописные сочинения крупнейшего мыслителя арабского средневекового мира, теолога, имама, знатока исламского права Абу Халида Аль-Газали(1053г.-1111г.). Книги и рукописи рядами располагались в 4 внутристенных нишах обеих комнат. Не зная языков я, естественно, не мог читать, но при каждом удобном случае любил смотреть книги и перелистывать страницы. Попадались красочно оформленные экземпляры, в которых находились большие сухие листья явно не местного происхождения. Любопытно было мне смотреть на криво написанные записи на полях книг.

Помню некоторые книги и рукописи были переплетены бычьей кожей. Это искусство было развито в Казикумухе, где мастера по заказу занимались этим делом. Отец часто показывал нам купленные книги. За каждую обитую книгу отдавали трехгодовалого бычка или несколько баранов. Отец сам переписывал рукописи и часто просил нас не мешать ему. Забегая вперед отмечу, что родовую библиотеку постигла трагическая судьба. В годы Великой отечественной войны брат Гаджирамазан вместе с семьей жил по месту работы в райцентре дома никого не было, зима была очень суровой. Замерзающий соседский мальчик-сирота, разобрав крышу, брал книги и топил ими свою печку.

IV. Штрихи к портрету Рамазана Усугского

Он родился 1879 году и умер 1937 году, прожив 58 лет. Он учился в усугской примечетской школе, окончил гельхенское медресе и знал 5 языков: агульский, лезгинский, азербайджанский, турецкий и арабский. Дети называли отца ласковым именем Базан сокращенное от Рамазан. Это был единственный случай в ауле, когда дети при обращении называли отца его именем и он не возражал против этого. Он был необычайно простым, не стремился внешне отличаться от сельчан по одежде, хотя как мулла имел на это право и никогда не носил каракулевую папаху, хромовые сапоги. Обувь делал из сыромятной кожи в домашних условиях.

Отец, как любой селянин, выполнял все работы в своём хозяйстве: пахал, косил сено, чинил орудия труда, шил шубы из самим обработанных шкур и т. д. Как сейчас помню облик отца, он был выше среднего роста,

с окладистой коротко стриженной чёрной бородой, в отдельных местах которой выступала проседь, проницательным взглядом карих глаз. Он обладал красивым голосом, природа наделила его чувством прекрасного и нового. Обучение его началось в домашних условиях, затем окончил примечетьскую школу и медресе в Гельхене. Насколько я помню, он в свободное время читал книги и рукописи, причём в очках. Мне было интересно почему он одевает очки. Однажды в его отсутствии надел очки и изрядно удивился тому, что ничего в них не видел. Спустя много времени я понял в чём причина.

Отец постоянно был нацелен на новшество в хозяйственно-бытовой сфере, чтобы улучить жизнь людей. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие факты. На крохотном участке земли, в местечке «АдилецI» ряд лет проводил опыты по выращиванию пшеницы, которая не входила в баланс земледельческой культуры аула. Опыты завершились положительным результатом, был выведен сорт горной пшеницы под названием «Маар». Из этой пшеницы не делали муку, её мололи на зернотёрке. Из крупы делали блюда в праздничные дни. Маар стоил дороже риса.

В местности «Хулерик» отец посадил новый более урожайный сорт картофеля, привезённый из лакского аула Казикумух («Яхул-сурт»). Данный сорт быстро распространился в Усуге. Он в местности Чилек посеял новую для аула культуру – лён, а на арендованной поливной земле возле дальней мельницы посадил очень сладкий сорт морковки. Желающих попробовать чужую сладкую морковку в пору созревания оказалось слишком много. Отец поручил мне «приятную» повинность охранять этот участок.

Я был бесконечно благодарен отцу за поддержку и помощь в моём увлечении цветоводством. Я отгородил участок домашнего двора и посадил там цветы, в том числе доставленные мною с корнями красивых цветов из труднодоступных мест высокогорья. Часто мои опыты не удавались. Каждый раз отец объяснял мне причины не приживаемости отдльных цветов.

Аульчане благодарили отца за полезное новшество в овцеводстве, суть которого заключалось в следующем. Он выступил против выщипывания шерсти с овец и потребовал от усугцев состригать шерсть ножницами. Новшество быстро внедрилось.

В нашем роду была традиция заниматься пчеловодством. У отца была чёткая методика содержания пчелиных семей зимой и летом. Он был автором следующей новинки в пчеловодстве. В самый активный летний период сбора нектара над ульем ставил не-

большое приспособление, которое пчёлы заполняли особой белизны сотами и чистым мёдом. Этот мёд был назван «Кьилин уът» (головной или элитный мёд). Элитный мёд резко отличался от обычного не только своими вкусовыми качествами, но и лечебными свойствами.

Для пчеловодов аула трудной задачей считалась своевременная поимка, отделившуюся часть пчёл при роении и водворение их в новый улей. Не редкими были случаи, когда отделившаяся семья улетела далеко за аул и поймать её было уже нельзя. А отец владел секретом быстрой поимки и водворении пчёл в новый улей. Он знал в совершенстве капризы пчёл, их повадки, умел различать злых и не злых пород пчёл. При роении все мы прятались, боясь пчелиных укусов, а отец оказывался в самой пчелиной гуще. Его почему то они не кусали. Мы с большим интересом смотрели на своеобразные «пчелиные» гирлянды, висевшие на бороде отца. Отец неустанно говорил, что мёд укрепляет здоровье, является дарманом (лекарством) от болезней. Хорошо помню его слова о том, что после мёда нельзя сразу пить воду, ибо это сильно уменьшает полезное действие на организм, его лучше есть перед сном.

Отец считался и лекарем, был знаком с восточной медицинской литературой, в частности, с работой

крупнейшего учёного мира, названного «царём учёных» Ибн Сина (Авиценна) «Канун врачебной науки». Кроме этой работы, в нашей библиотеке были трактаты: «Туффет ал-мумнин», Хидира б. Али б. ад Хаттаба, «Лечебные средства от болезней, от головы до ног». Он разбирался в арабской фармакологии, различал лекарственные растения, умел из них готовить препараты, собирал целебные травы, к нему обращались больные с просьбой оказать им помощь. Он внимательно выслушивал больных о симптомах болезни, затем доставал несколько книг по медицине и долго перелистывал их, наконец, давал устные советы, что надо делать. Многие благодарили отца за помощь.

Он считался в ауле и хорошим костоправом что требовало элементарные знания в области анатомии и физиологии человека. Отец не одобрял когда сразу начинали есть горячую пищу, надо подождать, чтобы она немного остыла. Он ссылался на хадис Пророка: «Пусть ваша пища остынет перед едой, ибо нет благославнения в горячей пище». Он просил после еды чистить зубы и полоскать рот. Указанные выше меры имели важное значение в охране здоровья аульчан.

В памяти отца хранились много пословиц, поговорок, часто он мастерски вкрапливал меткие, образные слова в разговоре с детьми и аульчанами. Он был

педагогом от бога, никогда не подавлял, наоборот, мягко убеждал, не помню чтобы он меня бил, хотя бывало за что. Он говорил спокойно, чётко, ясно и убедительно. Этому способствовало мастерское владение всеми нюансами горской народной педагогики.

Отец очень хорошо знал психологию аульчан. Язык его выступлений для них был убедителен, понятен и сильно действовал на воображение людей. Не даром он был авторитетной фигурой в маслаатском суде аула. Он призывал нас к добру честной и порядочной жизни и обычно перед едой, обращаясь к нам, говорил: «Я Аллах, чвес гъулал ризкьи кам дахъурай, харам къисмат дахъурай». В переводе пусть у вас не кончается добро, пусть к вам не попадёт греховное и запретное.

Отец постоянно напоминал нам, что хорошие обычаи необходимо неукоснительно соблюдать, в частности, уважение к старшим и пожилым людям. При встречи с ними необходимо сказать «Здравствуйте, адай» (брат моего отца), хотя нет родства. Вскоре я понял, что указанного этикетного обычного уважения заслуживают не все старшие Усуга. Мой язык не поворачивался чтобы назвать братом отца тех, которые были его врагами (душманами).

Он любил животных и призывал милосердно относиться к ним. Однажды я сильно ударил палкой нашу собаку. Отец подошёл ко мне взял палку и сказал: «Если сейчас я ударю тебя будет больно?». Я ответил, конечно, будет больно. Так вот собаке тоже больно, это большой грех обижать живых существ. Этот урок вошёл в моё сознание на всю жизнь. Я не могу проходить мимо, когда кто-то издевается над животным, один из многих случаев. По улице Ленина города Махачкалы я, 45 летний декан факультета ДГУ, шёл на работу. Какие-то мальчики, привязав к хвосту кошки пустую жестяную консервную банку, с удовольствием смотрели как она мучается, желая избавиться от банки. Мне пришлось усмирить «хулиганов», которые освободили кошку от мучений. Прошло много времени, на выпускном вечере студент взял слово и благодарил меня за урок, который он запомнил на всю жизнь. Все годы учёбы я думал, что вы меня узнаете и будете попрекать за дурное отношение к кошке. Теперь я сам не могу проходить мимо, когда издеваются над животными.

Мне всегда казалось, что отец любит меня больше, чем других детей. В общем это было в духе традиций в горских многодетных семьях уделять больше внимания самому младшему, а я был таковым. Он искренне радовался малейшим моим успехам. Я увлёкся игрой в шашки с пяти лет. Отец не возражал, что бы я

играл, хотя это было не совсем поощряемым нормами шариата делом. Вскоре стал играть со взрослыми. Дело дошло до того, что именитые аульные шашисты приглашали меня на верхний годекан «Къваранхулагъул», где была большая каменная шашечная доска, среди тех кто мне проигрывал был один, который злонамеренно смотрел на меня и я его страшно боялся.

Забегая вперёд скажу, что он оклеветал отца в 1937 году. После ареста отца меня больше не приглашали играть. Судьба сложилась так, что лишь через 11 лет, я вновь стал играть, в институте, но уже будучи студентом, был чемпионом города Махачкалы по шашкам и чемпионом Дагестанского университета по шахматам. Быть может, если сложилась бы другая жизненная ситуация и попал в хорошие тренерские руки, стал бы известным гроссмейстером. Но это, как говориться, из области предположений.

Я никогда не слышал от отца что-нибудь порицающее советскую школу. Моя учёба началась в 1932 году, через два месяца после начала учебного года. Я играл с дошколятами на улице, в какую-то игру, мимо проходящий учитель (он из другого аула) взял меня за руку и привёл в школу, находившуюся в частном доме, посадил за парту, дал букварь и карандаш. Домой пришёл поздно и сказал отцу был в школе, я уже уче-

ник. Радости домочадцев не было конца. Событием огромной гордости стал мой перевод, после 3-х месяцев учёбы, со второго класса в третий. Отец крепко обнял меня и сказал: «Пусть Аллах ярко осветит твой жизненный путь». Эти слова он произнёс, как мне показалось, с каким то радостным волнением.

Отец помогал школе, где учатся его дети. Весьма характерный пример. До 1935 года в Усуге не было отдельного здания школы. В 1935 – 1936 годах построили новую школу, а отец, считавшийся хорошим штукатуром, добровольно и бесплатно выполнил все внутриотделочные работы, убеждённо искренне считая это богоугодным делом и гордился этим. Между тем, сельсовет, оформив фиктивный договор, получил деньги. Махинация была разоблачена районным финансовым ревизором. Узнав об этом и желая уйти от ответственности, секретарь сельсовета пришёл к отцу с просьбой подтвердить, что он получил деньги за выполненные работы. Обычно спокойный отец накричал на пришельца (разговор был в нашем дворе) назвал его кяфиром, не настоящим мусульманином и прогнал.

Резюмируя следует сказать, что Рамазан Усугский был физически и умственно совершенной личностью. Рассказывали, что он очень любил в молодости участвовать в аульных, межаульных скачках и достиг в

этом деле значительных успехов, мчась на коне мог поднять с земли монету или спрыгивать с коня и вновь садиться в седло.

Рамазан Усугский пользовался искренним уважением подавляющегося большинства односельчан. Он не был обычным муллой, который исполнял только функции, вытекающие из норм шариата. В нём очень сильно было развито чувство нового, прогрессивного. Для него мир и спокойствие в ауле было превыше всего. При возникновении неприязненных отношений между аульчанами принимал срочные меры для их примирения. В отличие от других аулов Усуг считался менее конфликтным, где крайне редкими были уголовные преступления.

Он зорко следил за нравственностью односельчан и страшно боялся проникновения в горскую среду пьянства, курения, разврата и других аморальных проявлений. Неряшливый вид людей его раздражал, добивался соблюдения чистоты в ауле, содержания в надлежавшем виде родников, откуда люди пили воду.

Отец, как и другие его предшественники, контролировал не только духовную, но и повседневную жизнь аульчан, их быт, образование, регулировал взаимоотношения между ними на основе шариата. Он говорил верующим, что запустение кладбища большой

грех. По его просьбе верующие ремонтировали каменную ограду вокруг кладбища, с тем чтобы туда не проникал скот.

Отец уделял большое внимание вопросам экологического воспитания детей и взрослого населения аула. Приведу из множества несколько примеров. Когда мальчишки разрушали на покосных землях муравьиные гнёзда, он объяснял, что этого делать нельзя, это грех, муравьи приносят пользу. Когда начали сбор цветов для сдачи в местный магазин потребсоюза, получая за это незначительные деньги, отец этот вопрос поднял на сельском сходе, разрешив аульчанам привести туда и детей. В своём выступлении он просил прекратить массовое уничтожение цветов ибо это принесёт большой вред окружающей среде. На этом сходе нашлись «отдельные активисты», которые обвинили отца в срыве плана потребсобза.

В Усуге было много диких голубей. Жители соседних аулов, всерьёз или в шутку называли Усуг голубиным аулом, что не известно кого больше в Усуге голубей или овец. Голубиное мясо усугцы никогда не употребляли в пищу, убивать голубя считалось крайне постыдным делом. Обычное право осуждало тех, кто разорял голубиные гнёзда, уничтожал птенцов. Негодованию отца не было предела, когда отдельные из

аульчан стреляли в голубей для потехи просто так.

Следующий трагический случай в моём детстве связан с «голубиной проблемой». Под крышей нашего дома были нищи для голубиных гнёзд. Я, лёжа на плоской крыше, решил достать яички из гнезда. Кончиками пальцев коснулся их, но, потеряв равновесие, головой вниз со второго этажа угодил в большой камень во дворе. Меня с окровавленной головой и без сознания принесли домой. Собравшиеся говорили, что смерть неизбежна. Но мой двоюродный брат Мустафаев Керим сказал, что надо зарезать чёрного ягнёнка, положить в его курдюк мою голову, а тело поместить в его шкуру. Рассказывают, что через много дней я впервые открыл глаза. Судьба пощадила меня, я поправился.

V. Тяжкое двадцатилетие семьи Рамазана Усугского

20-30 годы для Рамазана Усугского и его семьи были периодом тяжких испытаний, что связано с активизацией преследования Советской властью религий, в том числе мусульманской. Была даже провозглашена безбожная пятилетка (1932-1937гг.). К 1 мая 1937 года на всей территории СССР не должно было остаться ни

одного молитвенного дома. А само понятие «бог» - изгнано из Советского союза как пережиток средневековья.

Были закрыты мусульманские издательства, запретили печатать и распространять Коран. Верующие подвергались гонениям за соблюдение праздников «Курбан Байрам», «Ураза Байрам». Примечетские школы и мечети были закрыты. Мулл мечетей зачислили в разряд «нетрудовых элементов». Их лишили избирательных прав и вынуждали подписать анкеты, что не будут служить исламу. Отказавшихся подписаться под такими заявлениями обычно сажали в тюрьму или ссылали. В периодической печати публиковались карикатуры, высмеивающие религиозных деятелей, называя их паразитами общества. Зеленая улица была открыта опусам, резко критикующих духовенство и духовных лиц в духе политики Советской власти.

Тяжесть противорелигиозной политики государства испытал на себе и Усуг, где мечеть превратили в колхозный склад, изъяли богатую мусульманскую литературу, закрыли школу. Я видел как горел костер из книг на большом годекане аула. Многие книги рукописи из библиотеки крупного деятеля освободительного движения народов Кавказа шейха Магомед-Эфенди стали достоянием огня.

Это было невиданное в истории дагестанских народов варварство. Был арестован крупный ученый Насрулла-Эфенди, который провел в тюрьме много лет и вернулся в аул смертельно больным. Он был сыном сестры моего дедушки. Мои родители навестили его, взяв с собой и меня. Он ходить не мог и лежал с большой седой бородой и подозвал меня, взял за руку, спросил, как зовут. Я ответил Ахадад, так меня называли в ауле. Он сказал: «Следовательно, имя дедушки. Когда пойдешь в школу учись хорошо» и крепко пожал мою руку. Меня удивило, что у него в доме очень много книг, намного больше чем у нас. Позже вся его библиотека была уничтожена одним из «активистов», жившего по соседству.

Этот комсомольский «активист» проник в библиотеку крупного алима в дождливый день, открыл окно и бросил все книги в бурный речной поток. Отдельные книги обнаруживали за 60-80 км от Усуга на берегу реки Курах. Я много раз слышал как хвастался этот невежда тем, что бросил в реку все арабские книги Насрулла-Эфенди.

С конца 20-х годов XX в. репрессивная власть резко усилила преследования нашей семьи. Отца и старшего брата Эфенди часто и внезапно арестовывали, продержав в тюрьме несколько месяцев, отпускали

без каких-либо объяснений. Мать носила им передачи, преодолевая расстояние свыше 60-70 км. Однажды мать взяла меня с собой в Касумкент. Мы шли туда двое суток с остановкой на ночь в местности «Къараулка», недалеко от селения Икра.

Однажды, после возвращения из тюрьмы отец сказал, не знаю за что меня часто отрывают от семьи. Я никогда никому плохого не делал, «халал – мой друг, а харам – мой враг». Но чем дальше тем больше он испытывал тяжесть моральных и физических перегрузок. Он часто привлекался к дорожной повинности, но, в отличие от других, ему давали несколько норм, обязательно далеко от аула и на твердом грунте, где нужно было использовать кирку, лом и кувалду. Однажды я задал вопрос «Базан, почему тебе выделяют большие и трудные участки?». Он ответил: «Дороги нужны людям, строить их это богоугодное дело».

Хозяйство отца облагалось большими налогами. При неуплате их в срок конфисковывали движимое имущество, помню как конфисковывали последнюю корову. Сопровождающие председателя сельсовета стали выводить корову со двора. Отец обратился к ним: «Я инсафсузар (безжалостные), почему вы оставляете моих детей без молока, что они должны кушать?». Председатель ответил: «Воздух, кушайте и

пейте сколько хотите».

Нашу корову отдали односельчанину, который ранее никогда не посещал мечеть. Долго корова по привычке приходила к нашему дому. Я прогонял ее, но она мычала и не хотела уйти, как бы говоря, что я вам сделала плохого и почему вы меня гоните. Однажды, «новый хозяин» в разговоре с отцом с издевкой сказал, что твоя корова дает много молока. Отец ответил ему: «Пусть молоко моей коровы выходит из глаз твоих домочадцев в виде кровавых слез!». Род этого мунафика вымер полностью, не оставив никакого следа на земле.

Тот же председатель сельсовета в очередной раз пришел в наш дом и обыскал все, но не нашел ничего подходящего и забрал конопляную подстилку (кан), на которой сидели я и моя младшая сестра. Я хорошо помню как очередной раз в наш дом пришел председатель сельсовета и бесцеремонно начал обыск. Не найдя ничего подходящего собирался уходить, а один из сопровождающих сказал председателю, что на крыше есть пчелы. Он приказал забрать все 10 ульев и поместить их на крыше колхозной канцелярии.

С болью в сердце отец наблюдал как на его глазах рушились вековые традиции и в среду усугцев проникали чуждые исламу привычки и понятия. Если до 20-х годов XX века в ауле был один курящий, то после

их стало намного больше. Пьющих в ауле не было вовсе, а теперь даже устраивали свадьбы с выпивками. Усилилось и воровство. Отец призывал принять срочные меры, в противном же случае ситуация может принять угрожающий размах. Его предупреждение полностью подтвердились. В ауле появились даже отдельные «династии алкоголиков».

В глазах верующих кощунственно выглядела «обрядовая новизна» вновь назначенного председателя колхоза в организации похорон своей глубоковерующей матери. В числе собравшихся похоронить мать председателя был и мой отец, который попытался все организовать по существующей традиции. Но председатель колхоза подошел к отцу и сказал: «Малла Рамазан, мне не нужны твои обряды и молитвы, не мешай мне похоронить мою мать по-новому». Отец, естественно, ушел. Председатель решил похоронить мать с музыкой, пригласив из школы пионеров, которые шли впереди гроба, играя пионерский марш. Пришедшие выражать соболезнования аульчане стали расходится, лишь немногие дошли до могилы. Ее похоронили без молитв и в гробу.

Отец старался убедить людей в том, что грешно вести антиисламский образ жизни. Он открыто говорил, что в распространение отрицательных явлений

повинны прежде всего местные власти, которые не только не противодействуют им, наоборот, показывают людям дурной пример. Конечно, это не нравилось «активистам», которые отвечали на справедливые замечания отца дальнейшим усилением нажима на него.

О своем тяжелом положении отец рассказал односельчанину арабисту Мизра-Магомеду, который раньше покинул аул и обосновался в городе Баку с семьей. В 1949 году он проводил отпуск в ауле и я с ним имел беседу. Вот что он мне рассказал. Я рекомендовал твоему отцу покинуть аул, следуя моему примеру, и приехать в Баку, ибо власти не оставят тебя в покое.

Он согласился. Я и твой отец рано утром, когда еще вовсю светила луна, вышли из аула и прошли до местности «Щухундик» (примерно 5 км от аула). Вдруг он остановился и сказал: «Дорогой Мирза-Магомед! Я не пойду дальше, люди могут подумать, что я испугавшись бежал от семьи, спасая свою жизнь. «Поистине предопределенное нельзя предотвратить и предосторожность не отвратит предопределенное». Он передал мне свою сумку с едой, крепко обнял, и сказал пусть Аллах бережет тебя и твою семью. И мы расстались, как оказалось, навсегда.

Отец вернулся в аул и преследования продолжались. Они коснулись и его детей. Их объявили детьми

«лишенца-арабиста». Брата Гаджирамазана, отличника учебы, исключили из Курахской школы интерната, другого брата Гаруна фальшиво обвинили в совершении аморального действия и посадили в тюрьму, через несколько месяцев был отпущен, как ни в чем неповинного. Хотя власти публично трубили «сын за отца не отвечает». Лживость этого лозунга безнравственной системы я испытал на себе в полной мере. Следующий эпизод я запомнил на всю жизнь. Все дети класса получили пионерские галстуки, но металлических зажимов к ним было очень мало. Их, в первую очередь, дали хорошо успевающим ученикам, в том числе и мне. Моя радость оказалась недолгой. На второй день в класс ворвался брат председателя колхоза с длинным кинжалом на поясе и в грубой форме закричал, почему зажим от галстука дали сыну лишенца, а моему нет. Учитель из другого аула, видимо испугавшись, взял зажим у меня и отдал его сыну брата председателя. Я пришел домой в расстроенных чувствах, отец, заметив это, стал успокаивать меня.

Аульным властям не нравилось, что я учусь хорошо, учителя объективно оценивают мои знания. Однажды в 4 классе Усугской школы произошло следующее. В класс зашёл «активист» и сказал учителю, почему сын арабиста получает хорошие оценки, а мой

только тройки и двойки. Учитель ответил, пусть ваш сын учиться лучше, тогда я ему буду ставить хорошие оценки. Надо сказать, что в той ситуации, для того времени честный ответ учителя был чреват неприятными последствиями. Издевательствам надо мной (несовершеннолетним) продолжались и после ареста отца о чем расскажу позже.

Тяжёлым ударом для отца и всей семьи было внезапное появление в нашем общесемейном дворе председателя колхоза, который заявил, что будет жить здесь, так как «купил» часть дома у жены умершего брата моего дедушки. Это была моральная смерть для отца. Рядом с богобоязненным отцом, ведшим строго исламский образ жизни, оказался агрессивный атеист, который курил, пьянствовал и сквернословил. Он старался всеми способами вытеснить нашу семью из общего двора и овладеть всем прадедушкиным домом. Новый жилец крайне неприязненно относился к нам.

Однажды он побил меня и это сильно задело мою детскую гордость. Я мог бы сказать об этом отцу, но не решился на это, боясь начала разборки с председателем, который постоянно носил пистолет. Я решился самостоятельно отомстить обидчику и убить его. Мне тогда было 10 лет. Я взял кинжал спрятался за воротами двора и решил при входе председателя воткнуть

кинжал в его живот. Между тем, моя младшая сестра, увидев всё это, оказывается, пошла к дедушкиному брату Ахмаду и сообщила ему обо всём. Совершенно неожиданно для меня он появился и отобрал у меня кинжал. Вскоре пришёл председатель. Трудно представить, чем всё это могло бы закончиться, если дедушка не вмешался.

А родители, узнав об этом, сильно поругали меня говоря, что мог бы причинить семье крайние неприятности. Новый жилец, помимо прочего, оказался и садистом. Он почти ежедневно избивал своего коня, говоря, что воспитывает его. Однажды отец сказал ему жалко коня (язукъ), не обижай живого существа. Ответ был таким: «Конь мой, что хочу то и делаю с ним».

В отличие от председателя его жена была благовоспитанной. Говорили, что председатель украл её из соседнего селения Курдал. Когда её муж отлучался на долго она просила мать разрешить мне быть с нею, ибо боится оставаться ночью одна. Я удивлялся тому, что она часто проклинала мужа и говорила: «Чтобы тебя убили». Вскоре так и случилось. Односельчанин, отсидев срок в тюрьме, вернулся в аул. Узнав об издевательствах председателя над его старым отцом, домогательствах к своей жене, убил обидчика в 1935 году на годекане в присутствии многих мужчин. Я очевидец

этого события, которое меня не огорчило, если не сказать что обрадовало.

Арест отца.

Наивысший пик репрессий против духовенства пришёлся на 1936 -1938 годы, когда было уничтожено (расстреляно и сослано) почти всё духовенство.

Кровавый молог 1937 года не пощадил отца. Вскоре мать произнесла страшные слова «Етим Ахадад баван» (любимый сирота). Забегая вперёд отмечу, что мать и старшие братья сделали всё от них зависящее, чтобы я и младшая сестра не чувствовали себя сиротами. 29 июля 1937 года отца арестовали. В этот день я должен был начать самостоятельное сенокошение. Отец купил мне маленькую косу и сказал, что завтра надо рано вставать и поэтому ложись спать. Я лёг, он подошёл ко мне, нежно погладил по голове и сказал спи. Через некоторое время второй раз подошёл ко мне и погладил по головке, такого не бывало раньше. Быть может какая-то невидомая сила заставила отца вторично подойти ко мне. Это была моя последняя встреча с ним и больше я его не видел никогда, кроме как во сне.

На следующий день я проснулся, а солнце было уже низко и очень жарко, в углу комнаты сидела мать, вся в слезах. На мой вопрос «Базан нанда?» (где Базан) она ответила, что его забрали. Я не понял что значит забрали, мать мне всё объяснила. Таким образом, первый день возможного самостоятельного сенокошения стал для меня и всей семьи трагичным.

Я не плакал. Ведь, отец учил быть сильным, мужественным. С этого времени больше я никогда не смеялся самозабвенно и в глазах моих навсегда поселилась печаль. Читатель может, посмотрев на мою первую фотографию из того периода, убедиться в том на сколько я печален, вся тяжесть, сложившейся ситуации, отражена на лице.

С так называемым делом отца я смог ознакомиться спустя 61 год со времени его ареста. Вели дело малограмотные люди. Оно пестрит множеством грубейших грамматических и фактических ошибок. Так, отец на 10 лет моложе матери, старший брат Гаджирамазан моложе меня на 10 лет. Вот такие люди решали судьбу тысячей и тысячей арестованных людей.

Что же отцу вменяли в вину? Поражает абсурд-

ность обвинений. Будто он имел связь с Абиссинией и Германией, был сторонником Троцкого, нелестно отзывался о Советской власти, Конституции СССР, колхозном строе, государственных займах, избивал односельчан, участвовал в восстании 1930 года. Все антисоветские разговоры вёл открыто на большом годекане Усуга. Далее приведены фамилии «свидетелей». Все свидетели тогдашние руководители колхоза и «активисты», в числе их председатель колхоза, секретарь сельсовета, заведующий молочно-товарной фермы.

Отец все эти фальшивые обвинения категорически отверг и отказался подписать «обвинительное заключение». В то же время отец подтвердил, что был муллой до закрытия мечети и учителем при мечетьской школы, заключал шариатские браки, читал молитвы, хоронил умерших, старался удержать аульчан от аморальных поступков, участвовал в маслаатском суде.

28 октября 1937 года так называемая тройка НКВД ДАССР приговорила отца к расстрелу. В деле есть запись, что приговор приведён в исполнение 7 января 1938 года. Трудно поверить, что приговор был приведён в исполнение спустя более 2-х месяцев, если учесть, что власти стремились как можно быстрей избавиться от «врагов народа». Отец полностью реабилитирован. Однако не указано, где расстрелян и похоро-

нен отец. Об этом в деле и документе о полной реабилитации нет никаких сведений. По всей вероятности, отец был расстрелян в Дербенте или утоплен в Каспии.

Меня потряс рассказ заведующего кафедрой Даггосуниверститета профессора Алекберли М. К. о том, что он в молодости с ребятами видели однажды на пляже Дербента множество горских папах. Взрослые говорили, что эти папахи заключённых, которых топили в море с целью разгрузить перегруженную тюрьму, а волна прибила их к берегу. О том, что Дербентская тюрьма была переполнена мне рассказал односельчанин Исаков Хиннеби, который находился с отцом в одной камере.

По его словам, у отца была стычка с надзирателем, который не разрешал совершить омовение перед намазом, тогда отец силой пробился к источнику и подошедшие схватили его и увели и больше я его не видел. Может быть среди тех папах была и папаха моего отца. Таким образом каратели физически уничтожили ни в чём не повинного человека, но не победили его. В лице детей отец победил тех, которые цинично и нагло пытались саму память о нём вычеркнуть из сознания людей. Отец был чистых корней и благородного происхождения.

Семья после гибели отца Положение семьи после ареста отца было особенно тяжелым. Экономический потенциал семьи был полностью подорван.

Гарун, Гаджирамазан и Эфенди

Ни земли, ни крупного, мелкого скота, ни пчел, ни права работать в колхозе. Невыносимо тяжело было в зимний период, когда топить было нечем, из-за отсутствия единственного вида топлива-кизяка, изготовить которого при отсутствии крупного рогатого скота было невозможно. Зима продолжалась 3 месяца, нередкими были морозы, доходившими в горах до 10-20 градусов. Таким образом, семья была поставлена на грань гибели. Казалось, что репрессивные власти достигли своей коварной цели. Однако, с помощью Ал-

лаха, семья выжила. В сложившейся трагической ситуации единственным источником для семьи оставались сторонние заработки, то есть отходничество. Братья Эфенди, Гарун и Гаджирамазан в полной мере испили горькую чашу лишений и невзгод, связанных с отходничеством. Публикуемая их совместная фотография, относить к 1939 году.

Они работали на рыбных промыслах Каспия, в строительстве в знойной Муганской степи Азербайджана канала для орошения хлопчатника, на нефтяных промыслах, нефтеперегонном и сернокислотном заводах города Баку, в так называемом «черном городе». В 1939 году Эфенди окончил в Баку курсы шоферов и 45 лет работал, как говорят, за баранкой. А ведь, он знал 6 языков, в том числе арабский и турецкий. С его стороны это был подвиг. Он пожертвовал всем ради спасения семьи. Прекрасно зная цену знаниям, и в труднейших материальных условиях, определил двух младших братьев на учебу в нефтяной техникум города Баку, где тогда обучение было платным. Вскоре Гаруна призвали в армию на срочную службу. Гаджирамазан и я провожали его на станции Баладжары. Он несколько раз, до отъезда поезда, выходил из вагона и обнимал нас обоих. Никто из нас не плакал, ведь отец учил не плакать. Никто не слышал ни звука, а из глаз всех троих

лились обильные слёзы. Оказалось мы виделись с братом Гаруном в последний раз.

Следует отметить все члены семьи, включая

женщин и детей, включились в борьбу за выживаемость. Я учился и старался чем мог облегчить материальное положение семьи. Все годы пока жил в ауле занимался поиском и сбором съедобных трав. Собиранием очень полезных съедобных трав, под названием «Сурар» (род черемши) считалось по обычаям обязанностью женщин. Я тем не менее, не смотря на запрет матери занимался собиранием Сурар в лесах Усуга и других аулов. Важным подспорьем аульчан считалось выкапывание сладкого корня (Гуяр) – род земной груши. Этим делом я занимался с большим воодушевлением. Ежегодно я занимался так называемой подгонкой колхозных овец к чабанам для доения, чтобы получить сыр. Эта работа среди аульных ребят считалась не престижной. Доение овец происходило в летний период на пастбищах «Галал» и «Сарфун»,

находящихся в трёх и семи километрах от аула. За эту работу подгонщикам давали по одному литру овечьего молока. Но высокого роста и с пышными усами неграмотный чабан по имени Алачай наливал в мою посудину до двух литров молока, говоря зурба (молодец). Мог ли я мальчуган предположить, что скоро будет война и я встречусь с ним, находясь в рядах военно-морского флота. Между тем, случилось очевидное и невероятное. Об этом более подробно на странице **80** данной книги.

Для спасения семьи в трагический период ее жизни, особенно после смерти отца, неимоверно много сделала горячо любимая мать. Эта неграмотная, но мудрая горянка, воспитанная на исламских традициях и происходившая из благородного гельхенского тухума «Гузварар», по существу, заменила нам отца, объединила всех против зла, не дала опуститься. Она не раз повторяла то, что случилось с нами это «испытание, а не поражение». Дорогой читатель, вдумайтесь в философскую глубину этих слов неграмотной женщины. Она поддержала моральный дух семьи. Ей принадлежат слова: «Аллах накажет тех подлецов, которые уничтожили вашего отца, честно жившего на этом свете». В памяти матери было много пословиц и поговорок. К примеру, «есть вещи которых, нельзя не

делать, если это приносит тебе убытки. Есть вещи которых нельзя делать, если это приносит тебе прибыль». Она говорила будьте гордыми, помните «враг смотрит в ноги, а друг в глаза», в смысле на голове должна быть хорошая папаха как на ногах добротная обувь.

Резюмируя надо сказать, что репрессивной власти не удалось уничтожить нашу семью, подорвав ее экономическую основу. Этой власти так же не удалось сломать морально нравственный дух нашей семьи, которая одержала победу в жестокой схватке. После ареста отца старшие братья, как было указано выше, постоянно находились вне аула, добывая тяжелым физическим трудом средства для семьи. В ауле были мать, я, сестры, жена Эфенди Гафизат, их малолетние дети Хидирильяс и Абид и дедушкин брат Ахмад. Защищать и заступиться за нас в ауле было некому. Пользуясь этим нечистоплотные люди продолжали притеснять семью, применяя по отношению к ее членам оскорбительные ярлыки. Аульные «активисты» запрещали своим детям играть со мной, купаться в речке, спровоцировали драки.

Один из этих «активистов» отвел меня за аул и сказал своему сыну «бей сына духовника», но он не осмелился. Тогда приказал своей собаке: «Фаце

ругIанин гада, кис, кис» то есть кусай сына арабиста. Собака, хотя и залаяла громко, но не приблизилась ко мне. В приступе ярости этот взрослый «человек», обозвав своего сына и собаку плохими словами, бросил собаку в меня. Но собака меня не укусила, издав писк, отошла в сторону. Я пришел домой, мать подошла ко мне и спросила, что с тобой, ты страшно бледный. Я сказал ничего, чтобы не расстроить ее. Невероятные зигзаги жизни. «Драка» между сыном «активиста» Али и мною все же состоялась, но спустя 11 лет, не на укропном месте за аулом, а при стечение большого количества людей на годекане. Демобилизованные участники Отечественной войны моряк Хидир и пехотинец Али крепко обнялись под шумными опладисментами аульчан. Как я жалел, что среди ликующих усугцев отсутствовал отец Али, который ушёл в мир иной.

Однажды на колхозном сеновале возник пожар, во время ловли детьми голубей путем ослепления их светом керосиновых ламп. Была такая детская игра. Один мальчик уронил горящую лампу и сено загорелось. На следующий день в пожаре обвинили меня, хотя там меня не было я ни когда не принимал участие в этой игре. От страха я бежал в село Гельхен к дяде Гузварамазану. Его энергичное вмешательство

спасло меня от гнусного обвинения.

Из крупнорогатого скота у нас остался только двухгодовалый бычок – «Къашкъа дана» (белолобый бычок). По приказу председателя колхоза этого бычка забрали. На следующее утро я пошел на колхозную ферму, бычок приближался ко мне. Я обнял бычка. Председатель колхоза, увидев это, обругал меня пахабными словами. В ответ я взял камень и бросил в него и попал в лоб. Он вынул кинжал погнался за мной, преследование продолжалось пока я не оказался на территории соседнего аула.

После окончания начальной школы я поступил в соседнюю Гельхенскую неполно-среднюю школу, где проучился 3 года. Я учился хорошо, помня слова отца и ученого Насруллы-Эфенди. Иногда школа получала от государства одежду для наиболее нуждающихся учеников. Среди сверстников я был одет намного хуже. Директор школы (он был из села Ялахъ Ахтынского района) выдал мне комплект верхней одежды. Такое счастье в моей жизни было впервые. Честные усугцы поздравляли меня, но усугские подонки обвинили директора школы в том, что он поощряет сына «врага народа». Мне предложили вернуть одежду, что я и выполнил. Надо ли говорить, что творилось в моей душе.

Не могу не сказать еще об одном моменте. В Гельхенской школе впервые демонстрировали кино. Киномеханик, по просьбе директора школы, показал на экране несколько фамилий хорошо успевающих учеников, в том числе мою фамилию. Председатель сельсовета (он из Гельхена) сделал замечание директору школы, что он популяризирует сына «врага народа». Не могу не сказать о том, что этот «друг» советской власти совершил в годы войны гнусное преступление, укрыв дома в помещении для скота своего младшего брата, дезертировавшего из армии, который там и умер.

Гельхенскую школу я окончил с отличным аттестатом и похвальной грамотой, но совершенно не зная русского языка. За мной приехал брат Гаджирамазан и забрал в город Баку, где работали старшие братья Эфенди и Гарун. Аул я покинул с противоречивым чувством. С одной стороны был рад, что вырвался из кошмарной ситуации, а с другой стороны с щемящей болью в сердце от того, что в ауле остались мать, сестры, малолетние сыновья старшего брата Эфенди и престарелый брат дедушки Ахмад. Покинул аул, люто ненавидя тех, кто творил там зло. Но я бесконечно был благодарен абсолютному большинству честных аульчан за сочувствие и помощь.

Никогда не забуду, как сердобольные горянки приносили молоко, зная, что матери, после конфискации последней коровы, нечем разбавить ржаной хин-

Сидят: Гарун, Хидир, Эфенди, стоит Гаджирамазан

кал, приготовленный на воде. Не могу не отметить благородство и человечность близких моему сердцу учителей Усугской и Гельхенской школ, которые за период моей учебы ни один раз, ни одним словом, ни одним жестом не задели мои легко ранимые мальчишеские чувства, оскорбляя память отца. Низкий поклон им и вечная благодарность.

Я поступил в нефтяной техникум, жил в обще-

житии. Адаптация к новым условиям учебы и городской жизни была весьма непростой, даже болезненной. Меня постоянно волновала судьба отца. Писал письма в аул, но на них ответа не получал. По всей вероятности, письма не доводили до адресата. В Баку было немало отходников из Усуга. Я, бывая у них, задавал им один стереотипный вопрос: «Не слышали ли они что-либо о моем отце?». Все они давали убийственный для меня ответ – ничего.

Но мне все время казалось вот, вот вернется отец и эта мысль согревала мою сиротскую душу. Я не по годам взрослел. Строго говоря, у меня не было детства и юности в обычном смысле слова. Жестокий урок, полученный в отрочестве, избавил меня от иллюзий, закалил характер, научил преодолевать трудности.

VI. Семья Рамазана Усугского в годы войны

Менее чем через 4 года после злодейского убийства отца началась Великая Отечественная война. Тяжелые военные годы воочию, необычайно ярко показали кто есть кто, всех расставила по своим местам. Все члены семьи Рамазановых показали себя патриотами, умеющими ставить интересы общества выше

личных, и своим умом и полезными делами не оставили никаких лазеек для тех, которые хотели бы продолжить по отношению к ним старую гнусную политику. Я с большим внутренним удовлетворением и огромной радостью и гордостью пишу, что ни один из членов семьи репрессированного «врага народа» муллы Рамазана не запятнал себя ничем негативным, как на фронтах так и в тылу. В годы войны и после военное время до наших дней показали и продолжают показывать усугцам, всем дагестанцам пример порядочности, высокой культуры и честного выполнения долга перед обществом. Это потому что в нас воплотились качества отца. Еще раз подтвердилась истинность слов о том, что не может дерево доброе приносить плохие плоды.

Хидир октябрь 1941 г.

Выше приведена фотография четырёх братьев в Баку, относящиеся к 1939 году. Три из четырёх братьев воевали на фронтах, один (Гарун) героически погиб, защищая город Ленинград, другой (Эфенди) служил в советских войсках в Иране, которые обеспечивали стратегические интересы нашей страны и доставку военной помощи союзников через Персидский залив, третий (Хидир) в

16-ти летнем возрасти в 1941 году добровольно пошёл на фронт, принимал активное участие в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии, четвёртый брат (Гаджирамазан) имел бронь, работал в финансовых органах Агульского и Курахского районов, участвовал в строительстве оборонительных объектов и награждён медалью «За оборону Кавказа».

В начале войны дедушкин брат 102 летний Ахмад безвозмездно отдал в фонд обороны свою уникальную коллекцию старинного оружия, полагая, что оно пригодится в борьбе с врагом. А ведь в 1926 году, когда началось разоружение горцев в Дагестане, ему предложили сдать коллекцию, в противном случае отберут силой. В ответ на это он смело заявил: «Скорее отдам жизнь, чем коллекцию». Мать, сёстры Салихат, Фатимат не покладая рук работали в колхозе, куда их, наконец, приняли в начале войны. Мать вязала шерстяные изделия для фронтовиков, в числе которых были три её сына. Сёстры сдали в фонд обороны свои скромные драгоценности из серебра.

В 1943 году я лежал в глазном госпитале №30/18 в городе Ярославле. Наша палатная медсестра, украинка по национальности, сообщила нам, что начальник госпиталя разрешил нам совершить прогулку по городу. Добрый фотограф фотоателье, узнав что мы из гос-

питаля сфотографировал нас бесплатно. На следующий день сам принёс снимки прямо в палату.

На фотографии старший лейтенант Скрыпников, медсестра Люба Мусейчук и я.

Не могу не рассказать об одном эпизоде из моей жизни в годы войны. В 1944 году я смог приехать в родной аул – случай редчайший. Объясню как это случилось. Командование части назначило меня старшим команды, которая должна была отправиться в город Баку и доставить оружие из запасов Каспийской военной флотилии в первый Ордена «Красной звезды» Военно-морской арсенал в России.

Узнав об этом и зная, что проезжаю через Дагестан, я попытался получить разрешение заехать домой. Конечно, это желание выглядело тогда дерзким. Но, тем не менее, я обратился к своему командиру, который дал мне отрицательный ответ. Затем я обратился к другим вышестоящим командирам, но тоже безрезультатно. Тогда пошел к контр-адмиралу Карабулькину, который внимательно выслушал меня и тут же позвонил моему командиру, узнав, что я отличник боевой и политической подготовки спросил у меня, с какого года вы служите. Я ответил, что с 1941 года, в 16 лет добровольно пошел на службу. Контр-адмирал задумался, а затем, улыбнувшись в свои полуседые усы, мягко произнес: «Что сынок, захотел быть дома?». Я ответил: «Так точно товарищ контр-адмирал, давно не имею связи с родными». После этого он позвонил начальнику политуправления и сказал, у меня старшина 2 статьи Рамазанов и просит разрешения заехать домой. Тот ответил, что знаю его, он недавно вступил в члены партии. Тогда контр-адмирал решительно взял трубку и позвонил кому следует и приказал: «Напишите на его командировочном удостоверении, что разрешается заехать домой сроком на одни сутки, заверяйте по всем правилам». Так я оказался в ауле всего 11 часов. Дедушкина брата Ахмада и жену старшего брата Эфенди я в живых не застал.

Меня сильно обрадовало, когда сказали, что младшая сестра Фатимат (14 лет) косит колхозное сено наравне со взрослыми женщинами и является ударницей. Вспомнил роковой день 1937, когда не состоялось мое первое сенокошение. Второе сообщение о том, что она «сражалась» с бригадиром колхоза, меня сильно расстроило. Суть в следующем. Бригадир сказал ей, не забудь, что ты дочь «врага народа». Она стала бросать в бригадира что попало, говоря ты трус, разжирел за счет жен и детей фронтовиков, у меня три брата воюют на фронтах. Я твердо решил проучить бригадира, надавав ему несколько увесистых морских «тумаков». Но мать остановила меня, сказав: «Сынок не марай свои чистые руки об этом грязном человеке».

Не могу не рассказать ещё об одном эпизоде моей флотской жизни. Речь идёт о встрече с односельчанином на базе Черноморского флота, находящиеся в Риони (Грузия), в марте 1945 года. Им оказался бывший пастух Алачай, о котором я рассказал выше. Я шёл к начальнику базы оформить документы о доставке мною из первого морского арсенала оружия. Неожиданно встретил высоко роста с пышными усами краснофлотца Алачая. Он узнал меня, обнялись. Я ему сказал, что в 1944 году был в Усуге. Он сразу заинтересовался как там его жена, дети, я сказал живы и здо-

ровы чему он несказанно обрадовался. Вторая встреча наша состоялась уже в Усуге, в 1948 году, я его от всего сердца горячо поблагодарил за молоко, которое он давал мне сверх нормы.

Мои дорогие родители, любимые братья и сёстры, прожив набело земную жизнь, переселились в мир иной. Их традиции достойно продолжают сыновья, внуки и правнуки.

VII. Кое – что о тех кто оклеветал отца

Всему, что случилось с нашей семьёй, в Дагестане и стране в 20-30 годах есть много причин. Важное место среди них занимают те из односельчан, кто проявил преступную старательность и обрёк, ни в чём не повинного, отца на гибель, а семью на неслыханные страдания. Трудно всё, что было вспомнить, но ещё труднее забыть. Уместным считаю характеризовать тех, кто приложил свою подлую руку к уничтожению отца. Я бы мог привести их фамилии и имена, но не хочу тем осквернить книгу, посвященную светлой памяти горячо любимого Базана. Мудрая мама говорила: «Придёт время, когда безбожников настигнет божья кара». Это время пришло. За короткий период почти все роды от куда клеветники прекратили своё суще-

ствование в силу разных причин.

Один из тех кто оклеветал отца, затем принимал участие в его аресте был заведующий молочнотоварной фермой колхоза. Он был приставлен к отцу часовым и никого из родственников не подпускал. Всё же последний фрагментарный разговор между отцом и братом Гаджирамазаном состоялся. Отец говорил: «я горячо люблю всех вас», «держитесь все вместе», «помните меня», «прощайте». И он через маленькое окошко комнаты, в которой находился, бросил карманный ножик в сторону Гаджирамазана. Часовой с остервенением поднял ножик. Когда сердобольный усугец Махмударин Усман, узнав что отца отправят в Курах, предложил свою лошадь, но ему не разрешили сесть на лошадь.

Тот же часовой конвоировал отца на своём вороном иноходце до Кураха (25 километров). Он не разрешал отцу совершать намаз и с ехидной улыбкой на холённом лице говорил: «Малла Рамазан нам надо спешить». Отец открыто бросил ему в лицо фразу: «Помни мои слова, что конец твоей жизни будет трагичный». Предсказание отца сбылось полностью. «Конвоир» смог увильнуть от службы в армии, воровал колхозное добро и был осуждён на длительный срок и умер в Махачкалинской тюрьме. Говорили, что он писал письма родственникам, в которых просил прислать ему хотя бы немного жаренную муку (мусу).

А каков конец жизни того кто бросил в меня собаку? Он, находясь на равнинном колхозном кутане, внезапно исчез, поиски привели в лес, где наткнулись на его кости. Дикие кабаны, оказывается, сделали своё дело.

Бывший секретарь сельсовета считался до войны «крепким» коммунистом. Он где бы не был, с кем ни не разговаривал часто употреблял слово «партполитика». Он добровольно в армию не пошёл, его мобилизовали, отправился в армию членом партии, а вернулся беспартийным. Он, услышав разговоры, что фашисты жестоко расправляются с коммунистами, бросил свой партийный билет. Впоследствии ослеп на оба глаза.

До войны в Усуге «гремели» имена двух братьев «комсомольских активистов», которые организовали костер из книг, терроризировали хозяев, которые воздерживались от вступления в колхоз. А в годы войны стали махровыми предателями, которые служили в фашистском Гестапо на Украине. Младшего брата при освобождении Украины арестовали и расстреляли. А старшему, каким-то образом удалось примкнуть к наступающим советским войскам. Его разоблачили после демобилизации и осудили к 20 годам за измену Ро-

дине. Он, отсидев весь срок, вернулся в аул, но жить в нем не мог, все презирали его. Он поселился в Фурдике среди доярок. Говорили, что этот негодяй бравировал тем, что он играл большую роль в разоблачении врагов народа во всех пяти селениях Усугского сельсовета, а так же тем, что фашисты ценили его за то, что безошибочно определял в строю арестованных евреев.

Особо хочу отметить, что тех кто запятнал себя несмываемым позорным пятном из усугцев было ничтожно мало. В своем абсолютном большинстве усугцы, как и все честные люди страны, героически сражались на фронтах Великой отечественной войны. Многие из них погибли. Недалеко от села построен памятник верным сынам Родины, погибшим на войне.

В 1948 году, после почти семилетней службы в славных военно-морских силах страны, я вернулся в аул, 24 летним бравым моряком. Аульчане встретили меня с восторгом. Среди них были отдельные уцелевшие доносчики на отца. Мне было интересно, как они поведут себя. Своеобразным сюрпризом для меня явилось сравнительно благожелательное их отношение ко мне.

Бывший председатель сельсовета на годекане пел дифферамбы в мой адрес, как бы забыв, что он конфисковывал конопляную подстилку, на которой сидели

я и моя сестра и последнюю корову, лишив нас молока. Бывший секретарь сельсовета, говорил мне: «Ты гордость аула, твой отец был хорошим человеком». Я понимал, что эти и другие клеветники, зная чьё мясо собака съела, притворно демонстрировали свое «доброе» отношение ко мне. Я встретился с третьим клеветником в доме старшего брата Эфенди в городе Дербенте. К нему пришел бывший председатель колхоза выражать соболезнование. Жалко было смотреть на него. Обливаясь потом клялся, что он не виноват в гибели отца, хотя из нас ни кто эту тему в разговоре не поднимал.

Он в разговоре не раз ссылался на Аллаха, Пророка, клялся Кораном, что он непричем в нашей трагедии. Этот агрессивный атеист «забыл» как он бросил Коран в огонь и кричал Аллаха нет. Клеветник, как бы желая смягчить свою вину, вдруг показал пальцем на небольшой след на лбу от камня брошенного мною в него на колхозной ферме. Я попросил у него извинения за необдуманный поступок моей юности. И вынужден был напомнить ему, что тогда он вынул кинжал и гнался за мной, пока я не оказался на территории соседнего села. Клеветник хрипловато слабым голосом сказал, что не собирался убить меня, а всего лишь хотел напугать. Тем временем принесли еду, как положено по

обычаю, клеветник кушал с отменным аппетитом. Удивительнее всего было то, что он перед уходом, протянув вперед руки, начал читать молитву, вернее имитировать чтение, шевеля губами, ибо он не знал ее слов. Этот клеветник несколько раз успел сидеть в тюрьме за растраты. И его судьба была трагической. Он с семьёй попал в серьезную автоаварию в ущелье Магудере. Род его прекратил свое существование.

Вторая моя встреча с бывшим секретарём сельсовета состоялась, когда я в очередной раз приехал в аул проведать престарелую мать. Она говорила своим сыновьям, живущим в городах Дагестана: «Дорогие мои, я постоянно не хочу жить в городе, я родилась в горах и хочу умереть здесь». Желание матери было для нас святым. И мы добирались до Усуга на грузовой машине, по очень плохой дороге.

В очередной раз из Усуга в Махачкалу я возвращался на колхозной грузовой машине. Пришел на аульный годекан, где стояла машина, кузов которой был до отказа переполнен людьми, в том числе старыми. Колхозное начальство, видимо, решив сделать для меня приятное, предложило мне сесть в кабину, но я отказался и попросил одного старого человека сесть в кабину, а сам поднялся в кузов.

Дорога была длинная и шофёр остановил машину

возле родника, сказав отдыхайте. Вскоре бывший секретарь сельсовета, от которого уже пахло спиртным, подошёл ко мне и выразил неудовольствие тем, что я место в кабине предложил не ему. Он затеял разговор о моём отце, клялся Аллахом, что он не причём в его судьбе, «пусть я умру на этом месте, если я виноват». Дело дошло до того, что он заплакал при всех. Должен сказать, что его слёзы были для меня своеобразным бальзамом на душе. Я вспомнил каким он был безжалостным, надменным, без взятки не дал брату Гаруну справку о месте жительстве, чтобы отправиться в отходничество.

Усугские клеветники, говоря образно, и тогда когда были на коне, и когда, потеряв власть, стали жалкими воспитывали своих отпрысков в своём духе. Следующий пример является характерным. Где-то в 60-х годах XX века сын того, кто конвоировал отца до Кураха, пришёл ко мне домой, очевидно по «родственному» признаку. Дело в том, что его двоюродная сестра была замужем за моим племянником. Не принять его я не мог, ужинали вместе, «кунак» изрядно выпил и задал мне неожиданный вопрос: «Ты знаешь почему они и раньше и сейчас жили и живут лучше нас?»

Я, естественно, заинтересовался кто это они. Он назвал фамилию отца и его сыновей в том числе и ме-

ня. Убили отца, но оставили детей, то есть корни, дважды повторив слово «дувулар», их надо было вырвать, тогда всё было бы нормально. Как говорят, что у трезвого в уме, то у пьяного на языке. Охмелевший сын клеветника, забыв, где находиться, воспроизвёл разговоры, которые велись в кругу своём. Скажу откровенно, разные крамольные мысли приходили в голову. Утром «кунак», как ни в чём не бывало, сказал, что вчера мы сидели хорошо, давай похмелиться, с дувуларами вместе добавил я. Он, как ужаленный, буркнул что опаздывает на поезд, быстро ушёл. Перед уходом протянул мне руку, но я отказался подать ему руку. Говорили, он окончательно спился и умер.

Выше я остановился лишь на некоторых встречах с клеветниками. По логике вещей они должны были вызвать у меня лютую ненависть ещё большую чем я пытал к ним в молодости. Но этого не было, мне было жалко этих духовно низших хамелеонов. Я испытывал радость и удовлетворение от того, что на грешной земле есть справедливость и правда рано или поздно, побеждает зло.

После демобилизации я поступил в педагогический институт. Я оказался первым студентом не только из Усуга, но и первым представителем всего агульского народа, ставшим студентом высшего учебного заве-

дения. Чему радовались все честные люди. Я учился на отлично, получая Сталинскую стипендию. Вскоре меня избрали секретарем комитета комсомольской организации института на общественных началах. Работа комсомольской организации подверглась проверке со стороны прибывшего из Москвы инструктора ЦК ВЛКСМ. При обсуждении результатов проверки деятельности комсомольской организации на бюро Дагестанского Обкома ВЛКСМ, инструктор ЦК ВЛКСМ внес предложение работу признать вполне удовлетворительной и, учитывая большой объем работы (800 комсомольцев), сделать должность секретаря комитета педагогического института освобожденной, т.е. платной. Сталинская стипендия и плата за секретарство вместе составили внушительную сумму. Я ежемесячно по почте посылал деньги в аул матери и семье, но отпрыски клеветников написали анонимное письмо в Дагестанский Обком КПСС, где чернили меня, утверждая, что я не студент, а занимаюсь базарной торговлей и спекуляцией и ежемесячно присылаю большие деньги в аул. Обком, убедившись, что я ни в чем не повинен, принял мудрое решение, поручить газете «Дагестанская Правда» написать о студенте Рамазанове статью. А меня же попросили, когда выйдет эта газета, купить 40-50 экземпляров и отправить в Усуг, «пусть

прочтут и узнают обо всём».

После окончания института я был рекомендован в аспирантуру. Об этом информация появилась в газетах «Правда» и «Учительская Газета», где говорилось, что распределительная комиссия Дагестанского Педагогического Института рекомендовала выпускника Рамазанова в аспирантуру. Это первый аспирант малочисленного агульского народа.

Я защитил кандидатскую и докторскую диссертации, профессор, опубликовал 200 научных трудов, Заслуженный деятель науки Российской федерации и республики Дагестан, награжден 20 орденами и медалями.

***

Я сейчас на 27 лет старше отца. Мне 87 лет, прожил суровую и многосложную жизнь, не сломался под тяжестью обстоятельств. Не смотря ни на что считаю себя счастливым человеком, продолжаю работать в большом коллективе, гордо смотрю в лицо добрым и честным дагестанцам и россиянам.

Однако с 30-х годов XX века до настоящего времени трагическая судьба отца и моральная травма с

ней связанная, дают о себе знать. Где бы не возникал разговор об отце у меня на глазах появляются слёзы.

Трудно передать словами какие я чувства испытал при ознакомлении с делом отца в Федеральной службе безопасности Республики Дагестан. Со мной был мой младший сын, заведующий кафедрой Даггосуниверститета, Заслуженный деятель науки Дагестана профессор Ахмед Хидирович, при этом присутствовали старший офицер и секретарша.

По мере чтения я впадал в какое-то непонятное состояние, передо мной возник образ страдающего отца, дышать стало трудно, было такое чувство вот вот потеряю сознание и упаду. Мне кажется, в это время над нами витала душа отца. Я с большим трудом встал, сказав сыну продолжай читать, отошёл в сторону, несколько секунд был в шоковом состоянии. Слава Аллаху, удержался на ногах. Я пришёл в себя и продолжил знакомиться с делом.

В 1999 году в июле я со старшим внуком Рашидом и родственником военным прокурором Дагестана полковником Шабановым Х. Я. поехал в Курах, куда меня пригласили для принятия участия в 70-и летии района. После торжеств мы поехали в Усуг и ночевали в родном доме. До 4-х часов утра я не мог заснуть, всё больше и больше одолевали воспоминания. Утром же-

на односельчанина, живущего с семьёй в нашем доме, убирая постель, была удивлена тем, что вся подушка мокрая. Она спросила, что было жарко, хотя было достаточно прохладно. Не знаю догадалась она или нет, а подушка промокла от моих слёз.

В 2005 году я зашёл в типографию «Ихлас», где издавалась моя монография «Эпоха Шамиля». Сотрудники типографии спросили: «Кем был ваш отец». Наверное, это было связано с тем, что монография посвящалась памяти отца, безвинно погибшему в 1937 году и посмертно реабилитированному. Я ничего не мог сказать, комок застрял в горле и пошли слёзы. Присутствующие изрядно удивились, а я быстро вышел на балкон, чтобы успокоиться, вернулся и рассказал о судьбе отца. Надо было видеть этих добрых и истинных мусульман и мусульманок (их было 7 человек) как они сочувствовали и сопереживали.

***

Клеймо «врага народа» легло на безвинных людей и целые семьи. С того момента когда на нашу страну обрушился смерч политических репрессий прошло уже около 80 лет. 30 октября в России отмечается День памяти жертв политический репрессий. Это

напоминание нам всем о трагических страницах истории страны, когда тысячи и тысячи людей необоснованно были подвергнуты репрессиям. Надо всем делать все, чтобы подобная бесчеловечность не повторилась никогда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Магомед Эфенди Усугский (штрихи к портрету)

Он родился в свободной крестьянской семье в 17… году, всю сознательную жизнь посвятил освободительной борьбе против колониально-феодальных властей. Отец и мать его были агульцами. Женился Магомед на аварке, сына назвал Мансуром, по всей вероятности, в честь первого кавказского имама, шейха Мансура. Магомед учился в Усугской примечетьской школе (мектебе), где преподавал мой прапрапрадедушка. Среднее образование получил в Гельхенском и Казикумухском медресе. Высшее образование получил, у известных лезгинских и лакских учёных и в Сирии.

Магомед Эфенди владел семью языками: арабским, турецким, азербайджанским, агульским, лезгинским, лакским и аварским, стал высокообразованным алимом, писал труды, сочинял стихи, был необыкновенно красноречивым оратором. Глубоко верующий алим Магомед Эфенди совершал Хадж в Мекку и Медину.

На надмогильной плите Магомеда Усугского надпись: «…Переселился из мира тления в мир вечный. Бедняга божий, посетивший обе мусульманские святыни, Хаджи Шейх Мухаммад Эфенди Нахшибиндиец…1279 год по Хиджре».

На формирование личности и взглядов Магомеда огромное влияние оказала новая ситуация в мире, на Кавказе и в Дагестане. Это был период, когда европейские имперские силы захватили много территории в мире, безжалостно уничтожали культуру и государственный строй народов Азии, Африки и Латинской Америки, пышным цветом расцвел мировой колониализм. Российская империя так же расширяла свои границы, в частности на Кавказе.

В 1812 году царское правительство создало Кюринское ханство, свободные аулы подпали под двойной гнёт царя и хана. Крестьян обязали платить налоги, нести трудовые повинности.

Местные феодалы и царские власти захватывали крестьянские общинные пастбища, что усугубило земельную тесноту. К примеру, у усугцев силой отняли пастбищную гору «Сарфун», у хвережцев – «К/ерах-суй», у квардалцев – «Т/унар-суй», у икринцев – «Къулан-сув», у курахцев – поливное пастбище в нескольких километрах от аула, до сих пор называемое «Хандин тугун». В Курахе была построена крепость с постоянным гарнизоном русских войск. Она была первой царской крепостью в горах Дагестана.

Колонизаторы действовали, не считаясь с горским менталитетом. Они думали, что обратить му-

сульман Кавказа в православие будет легким делом, как в своё время в Сибири и на Дальнем востоке. Генерал Ермолов объявил Мухаммеда «лжепророком», а его учение – ересью. Он запретил совершать Хадж без получения разрешения русских властей в Тифлисе, уплатив внушительную по тем временам сумму в 50 рублей. Ермолов собственноручно составил «Молитву за Царя», обязав читать в мечетях в каждую пятницу.

Горские массы с негодованием смотрели как ханы, беки беспардонно нарушали нормы шариата и обязывали духовных деятелей пить водку, при отказе приказывали своим нукерам силой влить водку в глотку.

В 20х-30х годах XIXвека в Дагестане, особенно в Кюринском ханстве, сложилась тяжёлая ситуация, о которой профессор Московского университета Гидульянов писал: «В ханствах царил полный произвол, гнёт сильного над слабым, алчность и ни чем сдерживаемое самовластие и властолюбие».

Масштабно мыслящие дагестанцы во главе с Мухамадом Ярагским призвали горцев выступить против колониально-феодального рабства. Ярагский родился в лезгинском селе Вини-Яраг в 1771 году, умер в 1838 году в аварском селении Согратль, там же похоронен. Его мавзолей является местом паломничества верующих. Есть версия о том, что предки Ярагского из агульского

селения Курдал (ныне Курахский район). Мать его из селения Ахты. У них было два сына и дочь.

Ярагский стал идейным и духовным вождём освободительной борьбы народов Кавказа, являлся мюршидом с 1821 по 1838 годы. Учение Ярагского имело общемировой смысл. Оно было созвучно с антиколониальными устремлениями порабощенных народов мира.

Основные положения учения (программы) вкратце заключались в следующем:

1) Мусульманин должен быть свободным;

2) Он не должен платить подати, налоги царю и хану;

3) Он не может быть ни чьим рабом;

4) Свержение двойного гнёта невозможно мирным путём, ибо колонизаторы и феодалы никогда не откажутся добровольно от своей позорной власти;

5) Свободу надо завоевать путём насильственного свержения двойного гнёта.

Идеи Ярагского стали быстро распространяться. Немецкий учёный Буденштет писал: «Учение его (Ярагского - Х. Р.) со скоростью молнии обняло весь Дагестан». А по словам русского историка Потта «Весть о новом учении и чудесного оратора с быстротой электрического тока охватило собой все аулы Дагестана и перекинулось от туда в Чечню».

К Ярагскому потянулись люди, чтобы увидеть и услышать его. В 1825 году Ярагский собрал съезд представителей интеллигенции Дагестана. Магомед Усугский, на съезде ближе познакомился с Ярагским, общался со своим учителем Джамалудином-Казикумухским, увидел первого имама горцев Гази-магомеда. Теперь главным для Усугского стало разъяснение учения Ярагского и активное участие в самом движении горцев.

Колониальная военщина, очень быстро поняв, что учение Ярагского опасно для империи, решила расправиться с ним и по приказу Ермолова был схвачен и посажен в Курахскую тюрьму. Мужественные курахцы, соратники, в числе которых был Магомед Усугский, освободили его.

Шейх Джамалудин Казикумухский

Огромное влияние на Магомеда Усугского оказал Джамалудин Казикумухский, у которого он учился долгие годы, являлся его любимым учеником. Джамалудин после Ярагского стал мюршидом с 1838 по 1859 годы. Род Джамалудина восходил к пророку Мухаммеда. Кюринский хан Аслан назначил

своим секретарём Джамалудина, учитывая его знания.

Когда в ханстве начались беспорядки, хан послал своего секретаря к Ярагскому, чтобы тот прекратил анти царские, анти ханские действия. Встреча с Ярагским оказала потрясающее влияние на Джамалудина, который отказавшись от ханских привилегий, перешёл на сторону Ярагского, стал его соратником и другом. Джамалудин до самого конца участвовал в движении, постоянно живя вместе с Шамилём в Дарго и Ведено, пользуясь невероятным авторитетом и уважением людей. Джамалудин был советником Шамиля, членом госсовета, помогал Шамилю в реформах. Шамиля мог покритиковать публично только Джамалудин. Переписку с другими государствами могли вести только Шамиль и Джамалудин.

В воспоминаниях долго жившего в имамате, пленного прапорщика Орбелиани говориться о Джамалудине: «Но есть человек в Дагестане, который со времени первых имамов и доныне встречается везде с глубоким благоговением, который тихою и смирною жизнью, бескорыстием и справедливостью, учёностью и происхождением, строгостью в исполнении шариата, как первоначальный проповедник этого учения и как учитель Кази-муллы, Гамзатбека и Шамиля, приобрёл в народном мнении наименование и значение святого… Любовь, уважение к нему дагестанских народов

не знает границ… Все жители, жёны и дети бросились к нему на встречу, целовали платья его и приветствовали божественными гимнами… В виду целого народа встретил его сам Шамиль и с глубоким уважением целовал его руку».

Усугский разъезжая по аулам, разъяснял горцам суть учения Ярагского. Этим делом занимался ряд известных учёных: Исмаил и Хизри Эфенди Ялахские, Гаджи-Али, Аскер Эфенди, Мухамед Наби Ахтынский, Насрулла Эфенди из Капира и другие. Их деятельность способствовала созданию напряжённой обстановки. Об этом свидетельствует рапорт царского полковника Бучкиева (1842 год) «Кюринское ханство - доносил он – без защиты наших войск готово предаться Шамилю». Как результат разъяснительной работы Усугского и его соратников, надо рассматривать развитие в Южном Дагестане Мухаджирского движения. Мужаджиры это благородные люди, которые добровольно отправлялись в имамат, чтобы помочь единоверным братьям в их отчаянной борьбе против колонизаторов.

В официальных источниках Магомед-Усугский и его соратники названы «агитаторами». Они добивались расширения социальной базы движения Шамиля за счёт вовлечения в него людей. Агитационно разъяснительная работа охватила обширную территорию Южного Дагестана и Северного Азербайджана: Кюра-Казикумухское ханство, Кубинский Дербентский уезды, Табасаран, Кайтаг, Сюргинское общество, Самурский округ и т. д. События, происходившие на этой территории, заставляли противника держать там постоянно значительные воинские силы. Крестьяне всё чаще отказывались платить казённые налоги, исполнять царско-ханские подати и повинности. Драматические события происходили, когда с помощью войск заставляли людей подчиниться. Однако властям так и не удалось навести «порядок» в этом деле. Так, за Кюринским ханством с 1813 по 1863 годы числились растущие недоимки. Местные жители отказывались записаться в милиционные формирования для участия в борьбе против Шамиля. К примеру, в 1840 году Шамхал-Тарковский смог собрать вместо 500 милиционеров только 20 всадников. Военное командование охотилось на сторонников Шамиля, видя в них государственных преступников. В 1850 году по приказу генерала Аргутинского арестовали 12 распространителей учения Мухамеда Ярагского в Кубинском уезде. В источниках отмечается, что в Южном Дагестане «весьма много приверженцев Шамиля», которые «неустанно с ощутимым успехом действуют в его пользу».

В 30-50-х годах XIX века противнику не редко

приходилось вести военные действия на два фронта, когда на подконтрольной военному командованию территории происходили восстания. Крупным антиколониальным восстанием было восстание в 1837-1839 годах в различных частях Южного Дагестана. Подавлением этого восстания руководил сам главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант Головин, который рапортом донёс в Петербург: «общества горной части Южного Дагестана всё больше стремятся к совместному мятежу, руководители шейх мулла Ахтынский и Агабек Рутульский имели переписку Шамилём». По приказу Головина значительное количество войск было снято с Шамилёвского фронта и отправлено в Южный Дагестан.

В 1848 году по просьбе народов Шамиль предпринял Самурский поход. Жители Самурского округа радушно приняли воинов Шамиля и вместе с ними штурмовали Ахтынскую царскую крепость.

В 1851-1854 годах против колониальных войск русского царизма восставали жители Акуша-Дарго, Сюргинского общества, Уркараха, Табасарана, Цахура. Как правило, во главе восставших оказывались те, которые имели непосредственную связь с Шамилём. Все эти восстания были чрезвычайно жестоко подавлены, а цахурцев почти поголовно истребили, разрушив их жилища.

Магомед Эфенди постоянно поддерживал связь с Шамилём и Джамалудином, многократно бывал в столицах имамата Дарго и Ведено, встречался с советником Шамиля Абдурахман Хаджи, мудирами, наибами, членами государственного совета, принимал участие в качестве делегата на общеимаматских съездах.

После подавления движения горцев, мюришид Джамалудин Казикумухский переселился в Турцию, султан тепло принял его и выделил дом, назначил пенсию. Джамалудин, находясь в Турции, не мог продолжить выполнять функции мюршида Дагестана. Он решил определить человека, которому мог бы передать свои полномочия. Сделать это ему было не трудно, ибо он хорошо знал крупных религиозных деятелей Дагестана. Он остановил свой выбар на Магомеде Усугском. Будущий мюршид должен был быть учёным (алимом), который хорошо знал Коран, исламскую религию и свободно разбираться в исламских канонических источниках. И это первое необходимое требование к будущему мюршиду. Во вторых он должен быть известен в высших религиозных кругах и в третьих отличаться безукоризненной нравственностью. Магомед Усугский владел всеми перечисленными качествами. Он был учёным (алимом), к имени которого добавляли слово эфенди. Магомед Усугский имел

высший титул – шейха. Так на Востоке называли того, кто достиг наивысших знаний ислама. Он был Хаджи, посетивший Мекку и Мудину. У него были связи с дагестанскими и восточными религиозными деятелями. Таким образом выбор был закономерен. Магомеда Усугского хорошо лично знал Кази-Кумухский с муталимских лет как человека безупречной нравственности. Это была высокая честь и большое доверие. Нам представляется что Джамалудин–Казикумухский мог согласовать кандидатуру мюршида с Шамилём, находящимся в плену в России, через переписку со своими двумя сыновьями безотлучно жившими с Шамилём. Теперь перед Джамалудином стал вопрос, как где и когда встретиться с Магомедом Усугским для личной письменной передачи сана мюршида. Место передачи определи турецкий город Карск. Время передачи 1861 год. Усугский в это время возвращался из Мекки на родину. Царские власти усилили надзор за видными религиозными деятелями Дагестана. Особенно за теми, которые возвращались из Мекки. Факт встречи двух выдающихся деятелей Дагестана стал предметом переписки между начальником Дагестанской области генерал-адъютантом обрусевшим армянином Меликовым и русским императором Александром II.

В отчёте начальника Дагестанской области за

1860-1869 гг. говориться: что «Право на проповедь тариката, полномочия на проповедь его в Карске он дал своему бывшему ученику, жителю селения Усуг Кюринского ханства, мулла-Магомеду, который возвратился из Мекки в январе сего года, умер в своём селе. Он, Магомед, передал данные на бумаге ему полномочия одному из своих родственников. Завещая хранить их в тайне. Бумага эта представлена мне и копия с переводом при нём прилагается. Надобно думать, что Джамалудин, узнав о смерти мулла-Магомеда, вновь изберет кого-либо своим преемником в Дагестане». Из приведённого выше документа видно, что третьим мюршидом, хотя и на весьма короткое время, стал Магомед-Эфенди Усугский.

В родном ауле Магомеда Усугского встретили восторженно. Аульчане были особо горды тем, что их земляк стал мюршидом. Но вскоре Магомед-Усугский серьёзно заболел. Очевидно сказались большие физические нагрузки, связанные с дорогой в Мекку и обратно пешком и почтенный возраст.

Весть о его тяжёлой болезни облетела Дагестан, к нему потянулись алимы, религиозные деятели и большое количество верующих. Рассказывают на его похоронах было не виданное в истории Усуга количество людей. На его могиле построили трехъярусный

каменный мавзолей, сохранившийся до наших дней. В Усуге бережно хранятся символы мюршида: специальный головной убор (чалма) и посох. Таким образом, частью многовековой истории Усуга стали рождение и захоронение в нём шейха Магомеда Усугского.

Цепочка Сильсала великих шейхов
Нахшубандийского тариката

30-ый Гаджи-Исмаил Кюрдамирский;
31-ый Мухамад-Ярагский;
32-ой Джамалудин Казикумухский;
33-ий Магомед-Усугский.

Мавзолей Шейха Магомеда

Посох и чалма Магомеда

УВАЖАЕМЫЙ ХИДИР ХИДИРОВИЧ!

Коллектив Дагестанского государственного университета сердечно поздравляет Вас со знаменательной датой – 85-летием со дня Вашего рождения!

Мы знаем Вас как патриота, защитника Родины в суровые годы Великой Отечественной войны, известного ученого историка – кавказоведа, внесшего серьезный вклад в историческую науку, в особенности в разработку проблем, связанных с историей социально-экономического развития Дагестана и Северного Кавказа в пореформенный период.

Мы знаем Вас как одного из талантливых педагогов и руководителей исторического факультета, возглавлявшего его более четверти века. Под Вашим руководством факультет стал одним из ведущих в университете по организации учебной, научной и воспитательной работы. Бесспорно, Вашей заслугой является и организация науки на историческом факультете, становление и развитие кадрового потенциала, результатом которого стало создание Совета по защите кандидатских диссертаций по проблемам истории Дагестана и Северного Кавказа.

Ваша жизнь, глубокоуважаемый Хидир Хидирович, является примером преданного служения науке и образованию, интересам дагестанского народа. Ваши глубокосодержательные научные исследования, человеческие качества снискали Вам заслуженный авторитет не только среди профессорско-преподавательского состава и студентов Дагестанского государственного университета, но и всей научно-педагогической общественности и интеллигенции Дагестана и России.

В день Вашего 85-летнего юбилея от всей души желаем Вам здоровья, благополучия, новых творческих удач на благо родного Дагестана.

С глубоким уважением,
ректор университета

М.Х.Рабаданов

Мать и брат Гаджирамазан

Фатимат, Эфенди, Муса, мать

Салихат, мать, Фатимат

Хидир, Хидирильяс, Фатимат, Муса, Амри, Иса

Аул Усуг

Оглавление

Рамазанов Х.Х.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА
РАМАЗАНА УСУГСКОГО

Подписано в печать 03.08.2013 г.
Формат 60х84 1/16. Печать офсетная.
Бумага №1. Гарнитура «Таймс»
Усл. печ.л – 7,25. Заказ № 657. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО "Радуга-1"
г. Махачкала, ул. Коркмасова, 11 "а"

